УДК 94(470.6)
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00019

В.И. Колесов, Д.В. Сень

«ПРЕПРОВОЖДАЯ ЗДЕСЬ ДОШЕДШЕЕ ОТ ПОЧТЕННЕЙШЕГО АНАПСКОГО МУСТАФЫ-ПАШИ ОРЕГИНАЛЬНОЕ ПИСЬМО И ПЕРЕВОД С ОНОГО…»: ПРАКТИКИ РОССИЙСКО-ОСМАНСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ (1792—1828 гг.)*

Статья посвящена российско-османскому взаимодействию в конкретный исторический период (1792—1828 гг.), когда крепость Анапа являлась центром османских владений на Северо-Западном Кавказе. Исследуются поводы и причины разных коммуникаций, их акторы и случаи устного и письменного взаимодействия, а также тексты писем. Анализируются формы коммуникации (переписка, устные сообщения, дипломатические переговоры) местных и иных российских элит с анапскими пашами и с их представителями. Выявлено и проанализировано несколько десятков писем и сообщений. Обращено внимание на языки анализируемой коммуникации (османо-турецкий, русский, армянский, греческий), а также на состав переводчиков и акторов устных сообщений, включая курьеров и посредников — как чиновников, так и других лиц, окказионально привлекаемых обеими сторонами к развитию диалога. В ходе анализа письменных документов, помимо анализа их языков, изучена структура текстов, т.е. их индивидуальные формуляры, состоявшие из набора лексических единиц. Сделан вывод о системной устной и письменной российско-османской коммуникации в регионе на протяжении более тридцати лет.

Ключевые слова: Османская империя, Анапа, Россия, Северное Причерноморье, переписка, устные сообщения, переводчики, медиаторы, языки коммуникации.

Сведения об авторах: Колесов Владимир Игоревич[1], независимый исследователь; Сень Дмитрий Владимирович[2], доктор исторических наук, Южный федеральный университет.

Контактная информация: [1]350002, г. Краснодар, ул. Карасунская набережная, д. 151; e-mail: vovakolesov1971@gmail.com; [2]344000, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33, Южный федеральный университет; e-mail: dsen1974@mail.ru.

V.I. Kolesov, D.V. Sen’

“ACCOMPANYING HERE THE ORIGINAL PAPER CAME FROM THE MOST VENERATED MUSTAFA PASHA OF ANAPA AND A TRANSLATION FROM IT…”: RUSSIAN-OTTOMAN COMMUNICATION’S PRACTICES AT THE NORTHERN BLACK SEA COASTSHORE (1792—1828)

The article is devoted to Russian-Ottoman interaction at the concrete historical period (1792—1828). In this time the fortress Anapa was the center of Ottoman domain at the North-Western Caucasus. The communication occasions and reasons, actors and cases of the oral and writings, texts of messages are explored. The authors analyzed forms of interaction (correspondence, oral communications, diplomatic negotiations) between Russian regional officials and the Anapa’s Pasha and his administration. The few dozens of various messages were revealed and analyzed. Languages of these communications (Ottoman Turkish, Russian, Armenian, Greek, and French), the interpreters’ personalities, actors of oral messages, mediators and couriers were in research focus. Besides, the documents structures (different forms) were

* Статья поступила в номер 12 декабря 2020 г.
Принята к печати 28 декабря 2020 г.

© В.И. Колесов, Д.В. Сень, 2020.

investigated. The authors made the conclusions about system interaction between the two opposite sides for over 30 years in this region.

Key words: Ottoman Empire, Anapa city, Russia, Northern Black Sea shorecoast, correspondence, oral messages, interpreters, mediators, communication's languages.

About the authors: Kolesov Vladimir Igorevich[1], Independent Researcher; Sen' Dmitry Vladimirovich[2], Dr. habil. (History), Professor, Southern Federal University.

Contact information: [1]350002, Russia, Krasnodar, 151 Karasunskaya naberezhnaya St.; e-mail: vovakolesov1971@gmail.com; [2]344000, Russia, Rostov-on-Don, 33 Bolshaya Sadovaya St., Southern Federal University; e-mail: dsen1974@mail.ru.

Статья продолжает цикл авторских публикаций о взаимоотношениях двух империй и подвластных им различных групп населения на Северо-Западном Кавказе (как части Северо-Восточного Причерноморья) после переселения сюда Черноморского казачьего войска (далее — ЧКВ), начиная с 1792—1794 гг. (Колесов 2006: 73—88; 2018: 92—103; Сень 2009: 49—51; 2010: 47—63; 2011: 124—133; 2020b: 225—243). В новой работе сделан акцент на истории устной и письменной коммуникаций между анапскими пашами и российскими администраторами различного уровня, главным образом, руководством Таврической области/Новороссийской/Таврической губернии и верхушкой ЧКВ. Верхняя хронологическая граница обусловлена тем, что в 1828 г. османская Анапа была в который раз и уже окончательно завоевана российскими войсками. Османская империя утратила свои последние владения в Северном Причерноморье с административным центром в Анапе. Соответственно — прекратилась письменная и иная коммуникация между региональными российскими и османскими властями.

Ранее мы исследовали причины, формы и способы пересечения р. Кубани представителями разных местных сообществ, которая после Ясского мирного договора (1791 г.) стала новой русско-турецкой границей; а также осуществление языковой и иной межкультурной коммуникации, порождавшей среди участников пограничной жизни новый опыт взаимного «узнавания». Кроме того, нас интересовали всевозможные реакции местного населения (казаков, западных адыгов (черкесов), турок-османов, греков, армян и др.) на трансформацию местной пограничной жизни, последовавшую после 1791 г. и новых договоренностей между Российской и Османской империями.

Формирование нового пограничного порядка на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII в. затронуло сферу местной/транзитной торговли и работорговли, набеговой системы и т.п. явления, породив разрыв одних связей, традиционных для местных пограничных сообществ, и формирование внутри них и между ними новых социальных связей. Мы акцентируем внимание не только на местных региональных властных структурах, но и на поведении т.н. людей пограничья. Среди них — нарушители права и беглецы, лазутчики, рабы и рабовладельцы, торговцы и местные администраторы, толмачи и переводчики — индивидуальные и коллективные биографии которых, чаще всего, выпадают из поля зрения исследователей. К примеру, дипломатические, военные, торговые и иные отношения между Османской и Российской империями актуализировали насущную необходимость привлечения к диалогу не только профессиональных дипломатов, но и целого ряда других лиц, как связанных, так и не связанных со сферой бюрократического управления. Свою нишу среди них заняли т.н. посредники, зачастую совмещавшие экономическую деятельность (торговлю, ростовщичество) с функциями толмачей, переводчиков, шпионов и трансляторов разнообразной информации, включая передачу властям обеих империй корреспонденции друг другу. Заметим, что потребность в подобных людях ощущалась как в имперских

центрах — в центральных государственных учреждениях — так и в регионах. Подобная деятельность приобретала своеобразный оттенок именно на имперских окраинах, т.е. на периферийных территориях, где почти ежедневно осуществлялось кросс-граничное общение, причем со стороны как чиновников различного уровня, так и со стороны «рядовых» или «простых» людей из числа местного населения. При этом имперские центры не могли контролировать все процессы, происходившие в пограничье: многое зависело от инициативы местных властей, административный опыт которых, в буквальном смысле формируясь на практике, в т.ч. был «завязан» на контактах с «противной стороной».

Актуально изучить, таким образом, не только историю военного противостояния Российской и Османской империй на Северо-Западном Кавказе, о чем чаще всего писалось до недавнего времени в научной литературе. Не менее важно исследовать историю т.н. пограничной дипломатии и трансграничной культурной коммуникации между людьми, сообществами, властными структурами в пространстве Право- и Левобережной Кубани. Это позволит более предметно и, вместе с тем, системно, связать историю пограничных владений России и Османской империи в «равноправном» исследовательском пространстве *однотипных* исследовательских кейсов. Перед нами — общая в этом смысле территория конформизма и сопротивления, конфронтации и сотрудничества, закономерно порождавших именно на границе новые идентичности и новые явления культурной идентификации (включая «называние» людей и сообществ — скажем, в делопроизводственной документации; последовательное преодоление устных/письменных языковых барьеров и пр.). Среди составляющих подобного фронтирного пространства — «неофициальность» и неустойчивое равновесие, мозаичность и изменчивость местных социальных и культурных процессов, энтропия официальных властных отношений и ресурсов, направляемых обеими империями на своих подданных, добивавшихся от них еще большей лояльности и общего бюрократического контроля. Отдельные аспекты такой тематики, в т.ч. исследованной соавторами ранее, представлены в трудах В.В. Дегоева (Дегоев 2005: 90—108), О.В. Матвеева (Матвеев 2015: 148—181), М.В. Покровского (Покровский 1957: 107), Ю.В. Приймака (Приймак 2011: 119—136), Ф.А. Щербины (Щербина 1910: 601—614; 1913: 14, 152—154, 157, 179—180, 182, 239—240, 245—247) и А.А. Черкасова (Черкасов 2020: 1415—2266).

События последней четверти XVIII в., случившиеся после Кючук-Кайнарджийского мира (1774 г.) и аннексии Крымского ханства (1783 г.), привели к закреплению России на Северо-Западном Кавказе. Вместе с тем, они способствовали усилению османской крепости Анапа в качестве регионального центра и «столицы» санджака, как своеобразной «точки притяжения» для турецкоподданных купцов и ремесленников (турок, армян, греков, евреев), а также для местного автохтонного населения — западных адыгов («черкесов» российских документов). Усилиями трехбунчужного Ферах Али-паши, а также османских и французских инженеров, Анапа обзавелась в начале 1780-х гг. мощными укреплениями: её отстроили наряду с Суджук-кале и другими новыми крепостями. Уже Ферах Али-паша, управлявший причерноморскими владениями Османов, предпринял первые попытки завязать переписку с российским командованием, например, с Г.А. Потемкиным (Виноградов, Приймак 2006: 161). Ресурсы крепости стали расти в 1780-е гг. также за счет населения бывших османских крепостей, например, Тамани. Контингент Анапы усилился за счет тимариотов и заимов, прибывших из Трапезунда (Веселовский 1914: 12). Заметим, что всё это происходило в условиях крушения позиций Османской империи на Северо-Западном Кавказе и ее борьбы за сохранение своих позиций на Левобережной Кубани и на Черноморском побережье Кавказа (Приймак 2011: 171—174). В.В. Дегоев отмечал, что именно через Анапу и Суджук-кале —

османские форпосты в приморской Черкесии — вывозились рабы и другие товары на турецкие и ближневосточные рынки. Очевидно и то, что на рубеже XVIII—XIX вв. Анапа представляла собой важное связующее звено между «черкесским миром» и Османской империей, потенциал которого В.В. Дегоев напрасно связал с якобы *отдельными* попытками черкесов изредка помогать туркам-османам при осаде крепости русскими (Дегоев 2005: 99).

Условия Ясского мирного договора 1791 г. превратили р. Кубань в границу между двумя империями, а переселение ЧКВ в 1792—1794 гг. на Северо-Западный Кавказ привело к появлению «нового игрока» в коммуникационном поле межимперского взаимодействия и противостояния. *Опасность, близость, притягательность* Закубанья, проницаемость, («пористость» — по А. Риберу (Рибер 2004: 199)) данного пограничного пространства способствовали не только формированию опыта выживания черноморских казаков в непростых условиях. Проживание казаков-черноморцев в контактной зоне быстро породило в их среде желание преодолеть своеобразную «границу миров» (фактически — государственную границу) и достичь Закубанья, узнавая «чужую» сторону не только «по долгу службы», но и следуя собственным или даже чужим интересам. Речь идет, в частности, о бегстве и похищении черноморских казаков и солдат со службы по самым разным причинам, включая криминальные (Сень 2010: 49—61). С одной стороны, всевозможные беглецы и нарушители, в т.ч. подданные Османов, устремлялись из Закубанья на войсковую территорию, давая все новые информационные поводы для развития письменной и иной коммуникации между администрацией османской Анапы и российскими властями разного уровня (от руководства ЧКВ до губернатора и вице-губернатора Таврической области). С другой стороны, местные автохтоны — адыги (черкесы) не воспринимали р. Кубань как государственную границу, установленную межимперским соглашением. И хотя по Ясскому договору 1791 г. османские власти должны были не допускать самовольных пересечений черкесами этой границы, фактически они не могли системно контролировать данные процессы.

Представляется необходимым проанализировать создание системы взаимоотношений черноморских казаков (как «верхушки» войска, атаманов, старшин и чиновников, так и рядовых казаков) как с османскими представителями власти в регионе, так и с «аборигенными» лидерами — адыгскими князьями, дворянами, ногайским мурзами и т.д. Для нас важна история как официальных, так и *неофициальных (неформальных)* контактов верхушки ЧКВ и администрации османской Анапы в 1792—1828 гг., быстро налаженных и свидетельствующих об общем желании сторон приспособиться к пограничному соседству. Чего стоит только одна фраза из письма войскового судьи ЧКВ А.А. Головатого, адресованного анапскому Сеиду-Мустафе-паше (1795 г.)! Судья тогда написал своему «соседу» о том, что «в знак моей вам дружбы и приязни, посылаю… айвы один чувал и 11 арбузов, покорно прошу принять и во удовольство здоровья вашего употреблять» ([Дмитренко] 1898: 67). Подобная коммуникация функционировала как определенный порядок, регламентировавшийся дипломатическими, этикетными, языковыми нормами, включая бюрократическое оформление разнообразных письменных документов. Поэтому актуальным является исследование подобных практик и деятельности конкретных лиц, осуществлявших такую коммуникацию в рамках вышеуказанных норм и положений.

Во-первых, важно выявить таких «медиаторов» (прежде всего, толмачей и переводчиков) как с османской, так и с российской стороны, определить их количественный состав, происхождение, статус и положение, род занятий, языковую компетенцию и пр., т.е. всё то, что называется профессиональным бэкграундом. Составление перечня таких толмачей и переводчиков «по должности» или привлеченных властями «сторонних лиц» (включая

торговцев, перебежчиков и авантюристов) будет способствовать лучшему пониманию их роли в соответствующих социокультурных средах и влияния на местные/трансграничные коммуникационные процессы. Во-вторых, необходимо исследовать конкретные коммуникационные случаи (кейсы), практику взаимоотношений, контекстуальные условия проведения переговоров или переписки как между анапскими пашами и черноморским руководством, так и более «широкие» взаимодействия сторон: анапских пашей — с Новороссийскими/Таврическими губернаторами и с российским военным командованием на Северном и Южном Кавказе; или, к примеру, лидеров ЧКВ с местными региональными «вождями». В-третьих, в процессе анализа коммуникационного акта важно остановиться на языках общения, на «технологиях» осуществления переговоров и т.п. взаимодействий, на языках и на графике написания документов, составляемых и отправляемых всеми сторонами переговорного процесса. Полиглоссия документов демонстрирует гибкость коммуникационной модели в отношениях «отправитель—получатель». Отсюда вытекает четвертый аспект актуальности: эвристическое изучение сохранившихся документов, отложившихся в архивах или уже опубликованных (включая ответы на вопросы: существовал ли особый формуляр для подобной делопроизводственной документации, каким образом происходило взаимное этикетное именование сторон, как оформлялись документы, включая их удостоверение подписями, печатями и пр. элементами?). Отдельная исследовательская задача (дело, главным образом, нашей будущей работы) — количественный учет интересующей нас переписки — как частично опубликованной ([Дмитренко] 1898: 45, 54, 67, 257, 263—264; АКАК 1868: 984; АКАК 1875: 415, 432—433, 487), так и только вводимой в научный оборот, например, из фондов Государственного архива Краснодарского края (далее — ГАКК). Всем этим актуальным аспектам и посвящена данная статья. Исследователь, анализируя вышеназванные коммуникативные ситуации, зачастую выступает в роли интерпретатора «второго» порядка, осмысливая переводы (т.е. интерпретации) переводчиков (толмачей). Рассматриваемая коммуникативная система, как и всякая другая в культуре, имеет определенную модель, где «коммуникация осуществляется минимум по двум… каналам» посредством сообщения в конкретном событийном контексте от адресанта к адресату путем контактов, в процессе которых информация передается кодами (Лотман 1996: 23).

Коммуникационные стороны. В начале 1780-х гг. крепость Анапа была отстроена фактически заново (Веселовский 1914: 9—11), выделяясь, наряду с другим морским портом и крепостью Суджук-кале, среди новых османских крепостей Северо-Западного Кавказа — точнее, Черноморского побережья Кавказа. Высокопоставленный османский назначенец (трехбунчужный паша) несколько позже перенес свою резиденцию из Суджук-кале (местоположение остатков крепости ныне входит в территориальные границы г. Новороссийска) именно в Анапу. Юридически под властью анапского паши находились жившие в Закубанье адыгские этнические группы («племена» российских документов того времени): шапсуги, натухайцы, бжедуги, абадзехи, жанеевцы и др. После начала переселения ЧКВ на Северо-Западный Кавказ в 1792 г. (Фролов 2005: 3—7) и в том же году — шести полков донских казаков на правый фланг Кавказской линии (ПСЗРИ 1830: 305), была создана система кордонов и постов по р. Кубани. Именно казаки стали для черкесов и турок-османов ближайшими соседями по другую сторону новой российско-османской границы, с которыми анапским пашам необходимо было наладить взаимодействие. По условиям Ясского договора (1791 г.) р. Кубань была определена границей между двумя империями. Анапские паши должны были не допускать вторжения горцев в российские земли через эту границу (ПСЗРИ 1830: 289—290), а российским войскам строго запрещалось переходить

границу османских владений. Таким образом, паши при необходимости вступали в коммуникацию с войсковым атаманом и с другими представителями верхушки ЧКВ, с командующими Черноморской кордонной линией и правым флангом Кавказской линии. На более «высоком» уровне анапские паши регулярно взаимодействовали с гражданскими и с военными российскими администраторами, ведавшими территориями Северо-Западного Кавказа — правителями Таврической области, Новороссийскими и Таврическими губернаторами (либо с их подчиненными). А с 1820 г., когда эта территория стала подчиняться Кавказскому наместнику, паши стали переписываться, соответственно, с кавказскими военными начальниками и с чиновниками, вплоть до высших должностных лиц Российской империи.

Оригиналы писем анапских пашей и их русскоязычные переводы могли отправляться из Черномории вышестоящему начальству по инстанции: Таврическому губернатору или главнокомандующему на Кавказе. Более того, стороны коммуникации (например, с одной — Таврический губернатор и вице-губернатор времен существования Таврической области, с другой — администрация ЧКВ) регулярно информировали друг друга о получении подобных документов из Анапы или об отправке туда своей корреспонденции. К примеру, Таврический вице-губернатор К.И. Габлиц, предписывая своим ордером на имя полковника ЧКВ, армии премьер-майора С.Л. Белого от 26 апреля 1793 г. отправить в Анапу казаков-некрасовцев — подданных султана, указывал: «Препровождая здесь дошедшее от почтеннейшего анапского Мустафы-паши орегинальное письмо и перевод с оного…» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 223. Л. 101). А из ордера Таврического губернатора С.С. Жегулина в Кош ЧКВ от 25 февраля 1794 г. следует, что в ответ на рапорт войскового правительства ЧКВ от 9 февраля того же года он написал письмо анапскому трехбунчужному Мустафе-паше (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 6). Заметим, что в данном конкретном случае из Анапы в Черноморию попадали письма, адресованные как верхушке ЧКВ, так и следовавшие транзитом далее — на территорию Крымского п-ва (главным образом, в Симферополь). Тамошние российские власти, в свою очередь, отправляли корреспонденцию для Анапы тоже через территорию Черномории, что неоднократно зафиксировано в учтенных нами документах ГАКК. В такой трансграничной логистике отправки и доставки дву- и даже трехсторонней корреспонденции важное место принадлежало Бугазскому карантину и Бугазской переправе, находившимся на территории ЧКВ. Кроме того, как показано ниже, там регулярно осуществлялась и устная коммуникация между посланцами анапских пашей и представителями ЧКВ. Выскажем гипотезу о том, что «связующее» значение таких центров, как карантинные заставы, могло усилиться в связи с функционированием при них меновых дворов и переводчиков (Черкасов 2020: 1573).

Адресаты и адресанты корреспонденции. Отправителями письменных документов с османской стороны на имя российских адресатов (писем, отношений, отзывов и т.п.) выступали анапские паши. После возвращения захваченной Анапы Османской империи по Ясскому мирному договору 1791 г. анапские паши снова заняли положение главных османских чиновников на Северо-Западном Кавказе, активно поддерживавших и укреплявших военно-политическое и экономическое положение крепости. В то же время, находящийся в Анапе паша не всегда возглавлял именно *отдельную* османскую административно-территориальную единицу — санджак или пашалык, т.к. в отдельные периоды Анапа входила в укрупненный пашалык с центром в Трабзоне (Трапезунде). В таком случае, титулатура двух- и трехбунчужного паши маркировала имперский османский чин: анапский паша фактически занимал должность главнокомандующего войсками и начальника (коменданта) гарнизона, именуясь «мухафызом» («защитником», «оберегателем»

крепости) или даже «сераскером». Поэтому, довольно неопределенно звучит характеристика административного статуса Анапы, в свое время предложенная Ю.В. Приймаком (Приймак 2011: 174).

Нам достоверно известно об исходящей корреспонденции на территорию Российской империи от следующих анапских пашей: Тюсе (Тисе) Мустафы-паши трехбунчужного (он же — Сеид-Мустафа-паша) и мухафыза Анапы (1793[1]—1795 гг.); трехбунчужного (Сеида-) Османа-паши (1797—1800 гг.); Сеида-Хуссейна (Гуссейна)-паши (1804—1805 гг.); Сеида-Ахмета-паши (1815—1816, 1819, 1820—1826 гг.); Гаджи Гассан Чечен-оглу-паши, носившего титул паши «Трапезонтского, Потийского и Анапского» (1826—1827 гг.). Командующими в Анапе также являлись: в 1793 г. Юсуп-паша (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 223. Л. 91), в 1802 г. — Али-паша (Черкасов 2020: 1509), 1813—1814 гг. — Гусейн-паша, в 1825 г. — Абдул-паша (Щербина 1913: 179, 245), от делопроизводства которых не выявлено пока ни одного письма в доступных нам источниках. В то же время, обнаружено пока всего два документа, адресованных российской стороне не пашами, а их представителями: 1) письмо (в источнике — «записка») за март 1793 г., направленное не от анапского паши, а от его подчиненного — назначенного пограничным комиссаром османского чиновника «Сяида Ефендия» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 223. Л. 91); 2) письмо атаману ЧКВ Ф.Я. Бурсаку от Гаджи-Ахмета, кегая-бея анапского паши, от 16 августа 1800 г. (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2. Л. 270—270 об.). Правомочно сформулировать совершенно новый для российской историографии вопрос — о происхождении анапских пашей, об их карьере, об условиях обретения пашинского чина, наконец, об уровне их культурной, языковой и профессиональной компетенции. Как правило, паши лично общались с российскими посланцами, многократно приезжавшими в крепость, живо интересовались делами в Черномории и, конечно, поддерживали *неформальные* связи с местными казачьими элитами. Имеются основания полагать, что некоторые из пашей не являлись этническими турками. Любопытное свидетельство о социальном происхождении одного из анапских пашей начала XIX в. и некоторых обстоятельствах его службы оставил Д.Б. Мертваго, бывший в 1803—1807 гг. Таврическим губернатором. По его данным, трехбунчужный паша Таяр-бей, обладавший огромной властью в Анатолии, назначил в Анапу двухбунчужного пашу: «…последний (очевидно, по отношению к времени завоевания Анапы российскими войсками в 1807 г. — *В.К., Д.С.*) анапский паша им возведен в сие звание из переводчиков» (Мертваго 2006: 148). Можно также заметить, что некоторые паши обладали языковой компетенцией и могли читать документы, доставляемые из Черномории российской стороной. Имеется несколько свидетельств российских посланников, доставивших анапским пашам письма (или иные документы), о том, что паши зачитывали при них подобную корреспонденцию, да еще комментируя отрывки из нее!

Письменная коммуникация велась с российской стороны, соответственно, на низовом уровне от имени верхушки ЧКВ: войсковых атаманов З.А. Чепеги (1793, 1795 гг.), Т.Т. Котляревского (1799 г.), Ф.Я. Бурсака (1800—1815 гг.), Г.К. Матвеева (1820—1826 гг.); войскового судьи А.А. Головатого (1793—1795 гг.); старшин — майора М.С. Гулика (1798 г.), С.Л. Белого (1793 г.); секунд-майора 3-го батальона егерского корпуса И.И. Штетера, назначенного пограничным комиссаром (1793 г.); командира егерского полка генерал-майора С.Е. Драшковича (1800 г.), командира Суздальского полка и командующего гарнизоном Усть-Лабинской крепости генерала Ф.М. Шеншина (1807 г.); командующего войсками в войске Черноморском генерал-майора М.Г. Власова (1821—1826 гг.);

[1] Приводится год отправки или получения корреспонденции.

командующего Черноморской кордонной линией и войсками в войске Черноморском генерала В.А. Сысоева (1826—1827 гг.), воинских начальников Кавказской линии — генерала К. фон Кнорринга (1799 г.) и генерала К.Ф. Сталя (1823 г.) и отдельно — правого фланга Кавказской линии генерала Г.И. Глазенапа (1805 г.).

Более высокий уровень отношений российской стороны с пашами был представлен Таврическими губернаторами — С.С. Жегулиным (1793—1795 гг.), Д.Б. Мертваго (1806 г.), А.М. Бороздиным (1815 г.) и вице-губернатором К.И. Габлицем (1793—1794 гг.); Новороссийскими генерал-губернаторами — Н.М. Бердяевым (1797 г.), М.В. Каховским (1798 г.) и И.И. Михельсоном (1800 г.), А.Ф. Ланжероном (1816 г.); главнокомандующими российскими войсками в Грузии — П.Д. Цициановым (1805 г.), И.В. Гудовичем (1807 г.), А.П. Ермоловым (1819, 1821, 1823 гг.). Из письма командующего Кавказской линией К. фон Кнорринга атаману ЧКВ Т.Т. Котляревскому от 3 декабря 1799 г. нам известно о переписке этого высокопоставленного российского военного с анапским Османом-пашой при посредничестве атамана ЧКВ. К. фон Кнорринг благодарил Т.Т. Котляревского за «безостановочное отправление вами моего к Осману паши письма. Закубанские нынешния обстоятельства требуют ежечастых моих с пашею сим сношений, имею честь препроводить при сем и еще мое к нему письмо, прося всепокорнейше вас не удержать отправлением его к нему» ([Дмитренко] 1898: 416).

Наконец, в нашем распоряжении имеется свидетельство о том, что письмо с претензиями анапского паши дошло до вице-канцлера Российской империи — А.Б. Куракина, который, вступив в переписку, вежливо, но твердо отказал паше (Приймак 2011: 128). В то же время, А.Б. Куракин объявил повеление императора Павла I о том, что «сношение» с Анапой будет производиться с октября 1797 г. по линии Коллегии иностранных дел ([Дмитренко] 1898: 275). Известен также случай, когда в 1802 г. император Александр I повелел отправить анапскому паше требование о возврате черкесами пленных казаков-черноморцев и о наказании виновных горцев под угрозой строгой «реквизиции» в случае неисполнения требования (Щербина 1913: 157; Черкасов 2020: 1508).

В связи с данными об участниках российско-османской письменной коммуникации затронем вопрос о дальнейшем поиске и выявлении архивных источников по теме статьи. Безусловно, такие документы (исходящие и входящие) создавались и аккумулировались не только на территории Черномории. Архивная эвристика в фондах ГАКК позволила не только установить новые исторические факты, но и сформулировать поисковые запросы, связанные с документированием деятельности самых разных фондообразователей, включая российские структуры и учреждения. В среднесрочной перспективе предстоит определить направления поиска новых документов — в фондах государственных и федеральных архивов Российской Федерации. Эвристическое значение могут иметь *даже упоминания* о подобных материалах, некогда хранившихся в архивах Российской империи. Так, известный востоковед В.Д. Смирнов обратил внимание в 1886 г. на интереснейшее архивное дело, хранившееся в Таврическом губернском архиве. «Между делами попадаются такие, которые могут служить обрисовке тогдашних международных отношений России. Таково одно дело под названием: "Переписка с анапским трехбунчужным Мустафа-пашой о всех чинимых войском черноморским народам за Кубанью обитающим беспокойствиях; также представлении войска черноморского войскового правительства, что первые от последних видят всегда со всем в противность заключенного мирного трактата неблагоприятные деяния, тягостью им служащие" на 616 листах» (Смирнов 2008: 539—540). Обращает на себя внимание значительный объем указанного архивного дела, косвенно подтверждающий интенсивность интересующей нас переписки, по крайней мере, за первую половину 1790-х гг. Не

исключено, что эти и аналогичные документы сегодня хранятся в фондах Государственного архива Республики Крым.

Поводы и причины коммуникаций. Вскоре после начала переселения ЧКВ на Северо-Западный Кавказ в 1792 г. войсковая администрация стала взаимодействовать с региональными османскими чиновниками — анапскими пашами. Им адресовались многочисленные претензии ЧКВ по отношению, чаще всего, к черкесам (изредка — казакам-некрасовцам), захватывавшим в плен людей, воровавшим скот; с османской стороны выражалось возмущение российской политикой принятия черкесов, переселявшихся на войсковую территорию и пр. (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 6, 56—56 об., 82—84 об., 114). Подобные претензии обосновывались статьями Ясского трактата, утвердившего «жесткую» межимперскую границу по р. Кубани, определившего задачами паши не допускать черкесов на российскую территорию. Еще один регулярный повод для коммуникаций — бегство подданных обеих империй на территорию «противной стороны». Пограничные нарушения взаимного характера, их предотвращение, а также ликвидация соответствующих последствий и возмещение ущерба и являлись, в основном, причинами коммуникаций между сторонами на протяжении десятилетий (1792—1828 гг.). Одним из немногих комендантов Анапы, чью переписку с российскими корреспондентами пока обнаружить не удалось, был Гусейн-паша (1813—1814 гг.), который за свое недолгое управление, как отмечал Ф.А. Щербина, тщательно исполнял османские обязательства не допускать враждебных действий черкесов, направленных против российской стороны (Щербина 1913: 179).

Акторы коммуникаций (медиаторы). Перед нами — многочисленные участники местной пограничной жизни, связанные с ней, прежде всего, посредством своей *служебной или профессиональной деятельности*. Это толмачи, переводчики, писари, секретари, курьеры, «посланники», принимавшие участие в составлении дипломатических и иных документов с российской стороны, переводившие на русский язык с османо-турецкого и других языков письма из Анапы, ездившие в эту крепость (иногда и в другие османские города); это те люди, которые вели там переговоры и собирали разведывательную информацию, а затем составляли для своего начальства отчеты (рапорты) о поездках в Анапу и о личной коммуникации с тамошними пашами. Безусловно, сказанное относится к аналогичному составу интересующих нас медиаторов и с османской стороны. Прежде всего, заметим, что российские (войсковые и невойсковые) и османские администраторы изначально столкнулись с теми же проблемами в налаживании устной и письменной коммуникации друг с другом, которые были характерны для пространства южного пограничья в более ранний период (конец XVII — начало XVIII в.) (Boeck 2009: 117—171; Сень 2019: 134—143; 2020а: 84—120). Речь идет о нехватке, либо даже о временном отсутствии толмачей (переводивших, как правило, устную речь) и переводчиков письменных текстов. Другое дело, что в описываемое время понятие «толмач» теряло в России сферу привычного словоупотребления: переводчиками стали называть и тех специалистов, которые переводили на русский язык устную речь. Не исключено, что один и тот же человек не только читал тексты, написанные на других языках, но также переводил написанные на них документы. В нашем распоряжении имеются документы с территории Черномории за конец XVIII в., в которых люди, переводившие *устную* речь, названы не переводчиками, а толмачами (Черкасов 2020: 1455, 1631). Немалые трудности в ходе письменной и устной коммуникации с русскими испытывали и пограничные османские администраторы; им оказалось еще сложнее решить соответствующие проблемы. Долгое отсутствие в Анапе необходимых знатоков русского языка и российской грамоты заставляло местных пашей искать аналогичные формы и способы языковой коммуникации со своими «русскими

визави». Заметим, что паши проявили в данной области немалую административную гибкость: по нашим подсчетам, их письма, адресованные российской стороне, составлялись, как минимум, на четырех языках. Паши старались развивать также каналы устной коммуникации с верхушкой ЧКВ, о чем подробно сказано ниже.

На первых порах администрация ЧКВ лишь подыскивала среди своих казаков людей, владевших османо-турецким языком или другими т.н. восточными языками. Таких специалистов в ЧКВ оказалось немного; именно их власти использовали как переводчиков письменных текстов, поступавших из Анапы, либо отправляли в османскую Анапу для передачи писем и для устного общения с пашой. Один и тот же человек мог совмещать несколько функций — посланника, переводчика, толмача. Другие интересующие нас российские медиаторы, выступавшие от имени ЧКВ, хотя и ездили в Анапу для передачи писем, но «восточными» языками, судя по всему, не владели. При этом, согласно источникам, они каким-то образом (через переводчиков?) все-таки общались с пашами. Учет такой «курьерской» категории лиц тоже необходим: подобные люди доставляли необходимую корреспонденцию по назначению, собирали информацию о положении дел в Анапе, наконец, привозили в Черноморию письма от пашей, как правило — ответные. Кроме того, нам известны переводчики с российской стороны (как в Черномории, так и за ее пределами), переводившие османские документы из Анапы, но саму крепость не посещавшие.

Наибольшим весом в Черномории в ходе организации контактов с османской Анапой, начиная с первых лет поселения ЧКВ на дарованных Екатериной II землях, обладали следующие лица войскового сословия:

— *Лозинский Григорий Романович*, «из дворян», поступивший «козаком» в ЧКВ еще 6 июня 1788 г. и дослужившийся к 1803 г. до полкового есаула. Как сказано в его послужном списке 1803 г., «грамоте по-гречески читать и писать и по-турецки говорить знает» (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 93. Л. 39 об., 40). Г.Р. Лозинский совершил множество поездок в Анапу, передавая пашам различную корреспонденцию от российских чиновников и от своего войскового начальства. Попутно он выполнял в Закубанье и в Анапе разнообразные дипломатические функции, активно способствовал разрешению многочисленных пограничных российско-османских конфликтов (поиск угнанного скота, отыскание и возврат людей из плена и пр.). Какое-то время Г.Р. Лозинский даже временно проживал в Анапе в качестве «посланника» от ЧКВ при дворе анапского паши. Самое позднее письменное упоминание о нем, выявленное авторами, относится к первой половине 1804 г. Обращает на себя внимание фраза из «наставлений» правительства ЧКВ Г.Р. Лозинскому (1797 г.), связанных с организацией его очередной миссии в Анапу: «В протчем все сие возлагается на вас, как испытаннаго в верности и усердии к службе и соответствующаго чести и званию своему» ([Дмитренко] 1898: 247). Из документов следует, что вышестоящие над ЧКВ власти, инициировавшие в том же году отправку корреспонденции в Анапу, хотели подыскать в Черномории «из старшин надежнаго и разумеющаго по-турецки говорить» ([Дмитренко] 1898: 248). Им и оказался… Г.Р. Лозинский — человек, «довольно по-турецки умеющий говорить». Использование Г.Р. Лозинским при написании своего автографа букв греческого алфавита и не вполне уверенное владение кириллицей (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 484. Л. 37), по мнению соавторов, косвенно указывает на его нерусское происхождение (шляхтич украинского происхождения?);

— *Гаджанов Никита Иванович* (1767/1768—1810 (?)), «из армянских меликов», начинавший службу в ЧКВ казаком в 1789 г., дослужившийся до войскового старшины. В его послужном списке 1803 г. сказано, что «грамоте по-российски и армянски читать и

писать умеет», а также, что особенно важно, «сверх комплекту употребляется в войске по части иностранных дел» (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 93. Л. 7 об.—8); «говорить на разныя азиатские языки знает» ([Самовтор] 2007: 474). Дж.С. Фаньян уточнял, что Н.И. Гаджанов знал, кроме армянского, также русский, грузинский, персидский и турецкие языки (Фаньян 1980: 285). Владея «российской грамотой», он сделал в ЧКВ, как ранее отмечал один из авторов статьи, стремительную карьеру: если в декабре 1789 г. он числился сотенным есаулом (будучи незадолго до того еще простым казаком), то в сентябре 1796 г. — уже полковым есаулом (Колесов, Фролов 2010: 298—301). Участвовал в Персидском походе 1796 г., выполняя, помимо своих прямых обязанностей, и функции переводчика ([Самовтор] 2007: 474). Кроме поездок в Анапу, он посетил с «дипломатическими» обязанностями османский город Басру «к тамошним пашам по важным препорученностям» (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 93. Л. 8). В 1802 г. Н.И. Гаджанов ездил в Анатолию с «бумагами» к Батал-паше, а позднее находился при посланцах от трабзонского Теяр-паши во время их дипломатической миссии ко двору российского императора Александра I (([Самовтор] 2007: 474)). Еще в 1810 г. Н.И. Гаджанов находился на службе в Анапе (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 611), тогда в очередной раз завоеванной российскими войсками. В том же году он был ранен в столкновении с горцами близ Ольгинского поста (Щербина 1913: 172), а по другим данным — даже убит (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1987). В то же время, Дж.С. Фаньян отмечал, что Н.И. Гаджанов участвовал в Отечественной войне 1812 г., позднее был в составе отряда черноморских казаков переброшен на Южный Кавказ, где находился в завершающих сражениях русско-персидской войны 1804—1813 гг. (Фаньян 1980: 289).

Как считают авторы статьи, именно эти офицеры ЧКВ сосредоточили на каком-то этапе в своих руках наиболее важные для российского командования сто́роны зарождавшейся в конце XVIII в. коммуникации с османской Анапой, владея устной речью турок-османов. Не исключено, что владение ими *армянским и греческим письмом* могло повлиять на расширение анапскими пашами перечня языков, необходимых для налаживания письменной коммуникации с русскими. О другом человеке из состава ЧКВ, как сказано в одном российском документе, «знающаго по-турецки говорить» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 70), известно гораздо меньше. Это *Семен Паливода*, полковой старшина и поручик, побывавший в Анапе, по нашим данным, в начале июля 1793 г. и затем написавший подробный рапорт, в т.ч. содержащий пересказ нескольких встреч и разговоров с анапским Мустафой-пашой (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 249. Л. 81—84). Отметим, что в случае передачи пашами ответной корреспонденции такие российские «посланцы» передавали в ЧКВ также *устную* информацию, сообщаемую им в Анапе.

Навыки устной речи развивались казаками из состава ЧКВ и на другом, т.н. черкесском направлении освоения нового пограничного пространства. Одним из таких «специалистов» являлся есаул *Тимофей Шарап*. Так, из одного рапорта в войсковое правительство ЧКВ от 4 декабря 1798 г. следует, что именно «чрез войскового переводчика ассаула» Тимофея Шарапа были возвращены лошади, украденные черкесами «при главном Воронежском кордоне», разысканные им «от князя черкесского Баймурзы Магмет Пахи» (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 57. Л. 259). На каком-то этапе работы над текстом статьи соавторы даже посчитали, что существовала должность войскового переводчика. Такая версия пока не нашла документального подтверждения. Зато имеются основания предполагать, что Т. Шарап «специализировался» на устной коммуникации с черкесами. Именно переводчик Т. Шарап был отправлен в Закубанье для общения с черкесским князем Арслан-Гиреем для отыскания лошадей и волов, похищенных 13 октября того же 1798 г. черкесами «в дистанции Ольгинского кордона» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 228).

Другие офицеры из состава ЧКВ выполняли/могли выполнять курьерские или подобные функции — но без предоставления полномочий решать вопросы пограничного взаимодействия с турками-османами. Таким человеком, к примеру, стал прапорщик *Мусий (Моисей) Рева*, отвозивший в мае 1794 г. два «отзыва» Таврического вице-губернатора К.И. Габлица на имя анапского паши, и составивший подробное «уведомление» о своем пребывании в Анапе ([Дмитренко] 1896: 753—754). Наверняка неизвестно, владел ли М. Рева османо-турецким языком; но, скорее всего — нет. С одной стороны, он описывал свою встречу и общение с пашой, с другой стороны — на той же самой встрече присутствовал ключевой «переговорщик» по связям с Анапой — Г.Р. Лозинский. Другой пример — письменное требование ЧКВ в Анапу о возвращении пашой в Черноморию 31 беглого казака и двух егерей должны были отвезти полковой старшина, прапорщик *Петр Кияница* и сотник Н.И. Гаджанов (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 330. Л. 2—2 об.). Из рапорта А.А. Головатого К.И. Габлицу от 29 августа 1795 г. кажется, можно заключить, что документ в Анапу отвез П. Кияница ([Дмитренко] 1898: 86). Однако, обращение соавторов к архивным первоисточникам (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 330. Л. 2—8) позволило уточнить детали той поездки: П. Кияница тогда вообще не поехал в Анапу (причина неизвестна); письмо же А.А. Головатого на имя Сеида-Мустафы-паши отвез Н.И. Гаджанов.

Другой офицер ЧКВ — поручик *Федор Подскальский* — должен был сопровождать Г.Р. Лозинского в одну из его поездок в Анапу (1797 г.). Согласно войсковой инструкции («наставлений»), врученной Г.Р. Лозинскому, следует, что Ф. Подскальскому доверялось кое-что особенное. В документе указывалось, что на встрече с пашей «когда о чем речи кончите на турецком языке в тож время и самое то, о чем какой был разговор, изъяснять по-российски ему (т.е. Ф. Подскальскому. — *В.К., Д.С.*), а он, ежели тамо будет можно, должен зараз записать в заведенную на то тетрадь» ([Дмитренко] 1898: 246). Если же таких записей не удалось бы сделать своевременно, то их надлежало занести в тетрадь позже, на квартире, где остановились во время поездки в Анапу российские представители.

Новороссийский губернатор гр. М.В. Каховский писал 25 января 1798 г. из Ак-мечети в войсковое правительство о том, что он препровождает в Черноморию капитана *Герасима Кухаренко*, как истребованного ранее с ведомостями претензий ЧКВ к туркам-османам и отправленного с ними в Анапу (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 57. Л. 27). Какая-то часть российской корреспонденции (например, из Таврической области) могла отправляться в Анапу, минуя выбор властями курьера или т.п. лица в Черномории. Так, из письма анапского Османа-паши за 1797 г. следовало, что бывший «Крымский губернатор» (точнее, бывший губернатор Таврической области) С.С. Жегулин отправил к нему некоего «эмиссара Лябова» с реестром похищенных черкесами людей и имущества ([Дмитренко] 1898: 257). Исключительно важны слова Османа-паши о том, что этот «эмиссар» ранее посещал Анапу «троекратно с письмами к предместнику его (т.е. речь о предшественнике самого Османа-паши — *В.К., Д.С.*) присыланным» ([Дмитренко] 1898: 257).

Курьерские функции в Анапу могли отправлять и местные жители из числа черкесов. Известен случай, когда в феврале 1823 г. Бугазская карантинная застава отправила письмо войскового атамана ЧКВ Г.К. Матвеева анапскому паше «посредством жителя селения Жеметей татарина Атуляха» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 859а. Л. 2—2 об.). К подобным акторам, вероятно, можно отнести и поручика Таганова, побывавшего в Анапе в первой половине 1793 г. Судя по рапорту войскового правительства ЧКВ от 15 июня того же года Таврическому губернатору С.С. Жегулину, поручик переправился из-за Кубани при Карасунском куте, направляясь к Кавказскому генерал-губернатору И.В. Гудовичу ([Дмитренко] 1896: 635). Этот офицер часто использовался российскими властями как

переводчик (АКАК 1866: 101), например, с грузинского языка. Можно предположить, что поездка поручика Таганова в Анапу являлась не частным предприятием, но некоей дипломатической миссией.

В 1807 г. генерал Ф.М. Шеншин привлек для передачи писем в Анапу Кикнадзе — имеретинского дворянина, живущего в ст-це Темнолесской, брата российского офицера — пристава абазин. Поскольку миссия Кикнадзе была секретной, он был направлен в Анапу «под видом кабардинца» (АКАК 1869: 627, 629): можно предположить, что он владел «черкесским» и османо-турецким языками. Параллельно этому, в целях передачи корреспонденции по назначению, Ф.М. Шеншин продублировал письмо того же содержания, направив его через «безымянного» закубанского армянина (АКАК 1869: 627), скорее всего, владевшего не только «черкесским», но и османо-турецким языком. Такие неофициальные каналы коммуникации с османской Анапой, по-видимому, были обусловлены секретным характером указанной миссии.

Одна из ключевых позиций в процессах активизации нарождавшейся в конце XVIII в. османо-российской коммуникации в данном регионе принадлежала, конечно, переводчикам. Их недостаток ощущался обеими сторонами на протяжении длительного времени, вплоть до падения османской Анапы в 1828 г. Но, что примечательно, это же самое обстоятельство вызвало активный поиск османскими и российскими администраторами способов решения такой наболевшей проблемы. Авторы статьи полагают, что российская сторона быстрее наладила перевод документов из Анапы, писавшихся от имени пашей, как минимум, *на четырех языках*. Так, документы, писавшиеся на «армянском диалекте», в Черномории переводил, например, *Къюлов (Кюлов) Иван Акимович (Акопович?)* — «из армян», поступивший на службу в ЧКВ казаком в апреле 1793 г.; по состоянию на 1803 г. ему было 40 лет, и он — полковой есаул, который «по-армянски грамоту знает» (ГАКК. Ф. 250. Оп. Д. 93. Л. 30 об.—31). Он вступил в ЧКВ вместе с другими норнахичеванскими армянами (Минасом Христофоровым, Лазарем Мурзаком/Мурзой Якимовым), находившимися на рыболовных заводиках по берегам в урочищах Темрюк, Бейсуг и Койсуг, и в октябре 1792 г. способствовавшими получению леса вновь прибывшими черноморскими казаками во главе с прапорщиком Иваном Аристовым (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 190. Л. 66—67). И.А. Къюлов переводил, в частности, корреспонденцию анапского паши (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 237 об.; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2. Л. 275), написанную на османо-турецком языке армянскими буквами (о подобной литературе, написанной армянскими буквами см., напр.: Berberian 1964: 809—819).

Нехватка в Черномории лиц, владеющих т.н. восточными языками, способствовала привлечению специалистов из учреждений Таврической области и подобных ей административно-территориальных образований Российской империи. Например, письмо анапского паши атаману ЧКВ З.А. Чепеге за 1795 г. (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 319. Л. 12—12 об.) переводил *Александр Зимайлов*, подпоручик (впоследствии — поручик), в 1784—1794 гг. — переводчик Палаты гражданского суда Таврической области (Макидонов 2011: 177), знаток османо-турецкого и крымско-татарского языков ([Микаелян] 1977: 107), происходивший «из турецких эмиров» (Прохоров 1998: 123—138). Будучи турком-османом, он носил другое имя до поступления на российскую службу, а после своего пленения остался в России, сначала поступив на службу таможенным чиновником, а далее — переводчиком[2].

[2] Авторы благодарят за консультацию д-ра ист. наук. Д.А. Прохорова, ст. науч. сотр. Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, доцента кафедры документоведения и архивоведения Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Безусловно, качество таких переводов разнилось, что изредка вызывало нарекания у властей с обеих сторон. Так, анапский паша в одном из своих писем за 1794 г. сетовал на недопонимание, возникшее, по его мнению, из-за некачественной работы российского переводчика в Крыму. Этот человек якобы «так несправедливо дела с турецкого на российский переводит диалект, от чего, паче чаяния, в важности стоящих делах может на обе стороны навесть лишние хлопоты, за что не преминет (анапский паша. — *В.К., Д.С.*) послать с письмом своего Бимъ пашу, что он не причиною за наведенные крымским переводчиком хлопоты» ([Дмитренко] 1896: 754).

В качестве переводчиков текстов с «турецкого» (османо-турецкого арабскими буквами) языка также выступали представители мусульманского духовенства из числа горцев, перешедших на российскую сторону, например, жителей Гривенского Черкесского аула (станицы) ЧКВ. В 1826 г. войсковой атаман Г.К. Матвеев приказывал черкесскому дворянину именно из этого аула — есаулу *Пшекую Могукорову* — организовать переводы писем анапских пашей Сеида-Ахмета и Гаджи Гассана Чечен-оглу, адресованных командующим войсками в Черноморском войске М.Г. Власову, а после — В.А. Сысоеву. П. Могукоров привлек к переводу аульного *муллу Селима*. Вместе (?) они занимались переводом нескольких таких писем в мае-августе 1826 г. (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 229в. Л. 9—17). Кроме того, В.А. Сысоев в декабре того же года просил «вызвать… немедленно из Гривенскаго Аула Муллу Селима, нужнаго для некоторых переводов турецких писем» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 229в. Л. 18). Несколько ранее М.Г. Власов предписал атаману Г.К. Матвееву организовать перевод письма анапского паши, доставленного ему из Екатеринодарской карантинной конторы через курьера-турка (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 229в. Л. 1—1 об.). Атаман переадресовал поручение Таманскому сыскному начальству, приказав осуществить перевод через «татарина Бек-мурзу или другого известного человека, знающего хорошо турецкий язык…» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 229 в. Л. 2). Поручение было успешно исполнено через несколько дней. А 2 марта 1826 г. М.Г. Власов предписал Г.К. Матвееву организовать перевод на русский язык султанского документа, найденного в одном из «неприятельских» закубанских аулов при их «истреблении» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 229в. Л. 5). Перевод документа, написанного «на турецком диалекте», был сделан и на этот раз в Таманском сыскном начальстве. Привлечение же властями ЧКВ мусульманского духовенства к переводу османских писем бытовало и раньше. К примеру, Таманское земское сыскное начальство прибегло в сентябре 1822 г. к услугам муллы Аджи Мурата именно в качестве переводчика (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 859а. Л. 27).

Нехватка в ЧКВ специалистов, способных выполнять переводческие функции (по крайней мере, с османо-турецкого языка), сохранялась на территории Черномории и в дальнейшем. Обратимся к примеру, правда, более характеризующему аналогичную ситуацию на Центральном Кавказе: в 1808 г. во всей Кабарде только один человек — дефтердар, уздень Якуб Шарданов — владел арабским, персидским и турецким языками. Поэтому вся корреспонденция от османских и персидских чиновников стекалась именно к нему (АКАК 1869: 659—660). Кабардинский пристав, генерал-майор И.П. Дельпоццо использовал для коммуникации с черкесами и с турками переводчика, хорунжего Дыдымова (АКАК 1869: 651) — сотника Моздокской горской казачьей команды, по-видимому, кабардинца.

Для перевода письма анапского паши Сеид-Ахмета (на османо-турецком арабской графикой), адресованного атаману ЧКВ Г.К. Матвееву, войсковой администрации пришлось в феврале 1823 г. прибегнуть к услугам карасубазарского мещанина — армянина Данила Бедросова (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 859 а. Л. 4 об.).

Проблема, связанная с дефицитом переводчиков (вероятно, также и устной речи местных народов), сохраняла свою остроту и позже. Показательна история за ноябрь-декабрь 1834 г., когда подполковник Тенгинского пехотного полка Велептий, командир гарнизона Абинской крепости, доложил начальству о «выбежавшем от Черкес», т.е. с неподконтрольной России территории, уроженце г. Трапезонта — турке Мамете. Указанный выходец был оставлен в крепости «по знанию им Черкесского языка, и по неимению другого переводчика» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 403. Л. 3—3 об.).

Российские власти регулярно привлекали к работе по переводу текстов и устных речей полиязычных армян, как служивших в ЧКВ (выше см. о Н.С. Гаджанове, И.А. Къюлове), так и иностранных подданных, занимавшихся торговым промыслом. 31 августа 1832 г. комендант Геленджикской крепости полковник Чайковский докладывал: «Турецкоподанный Армянин католик Богос Рафаилов, житель города Трапезонта, прибывший в Геленджик для торговли на купеческом судне из Сухум кале и билетом тамошнего Коменданта, как знающий хорошо черкесский язык употребляется мною в переговорах с приезжающими сюда Горцами; но как мало знающий по Русски, он переводит Черкесский язык на Турецкий, знающему сей последний язык Нашебургского пехотного полка Прапорщику Спиранди» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 333. Л. 71—71 об.). Впоследствии Б. Рафаилов принял российское подданство и вывез свою семью из Трапезунда (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 383. Л. 42—42 об.). В 1840 г. его приняли в штат 1-го отделения Черноморской береговой линии в Новороссийске как переводчика (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 37. Л. 63 об.).

Аналогичный дефицит «профессиональных» переводчиков, по-видимому, ощущался и османо-турецкими властями. При этом, известны только некоторые имена османских «посланников» из Анапы, как чиновников, подчиненных паши — специально направляемых на российскую территорию с дипломатическими поручениями, так и лиц, окказионально выполнявших посреднические функции. Здесь выделяется фигура турецкого чиновника Сеида Эфенди, названного в российском документе «определенным от командующего в Анапе Юсуп-паши пограничным комиссаром», отправившего в 1793 г. на османо-турецком языке «записку» своему визави — пограничному комиссару на российской территории секунд-майору И.И. Штетеру (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 223. Л. 91). Остальные чиновники, подчиненные анапскому паше, а также прочие его доверенные лица, выполняли функции посредников, передавая российской стороне письма и сообщая ей, при необходимости, устную информацию.

В начале сентября 1793 г. через Бугазский перевоз в Черноморию прибыл и был направлен в Таманский карантин посланец от анапского паши «с письмом на турецком диалекте к Таврическому губернатору по надписи следуемого турка» Самсин-ага ([Дмитренко] 1896: 682—683). А из письма войскового судьи ЧКВ А.А. Головатого от 17 октября 1795 г. узнаем о доставлении к нему письма от анапского паши «чрез присланнаго грека Степана Георгиева», содержащего сведения о согласии паши вернуть «укрывающихся в Анапе казаков и москалей присланному от меня исправному старшине» ([Дмитренко] 1898: 67). В мае 1798 г. чиновник Селим-ага прибыл в дистанцию Андреевского поста кордонной линии с сообщением о том, что он был определен анапским Османом-пашой к черкесам для недопущения их дальнейших разбойных нападений на пограничную стражу (Черкасов 2020: 1481). Неназванный по имени «посланник» анапского паши к атаману ЧКВ Т.Т. Котляревскому фигурировал в рапорте Н.И. Гаджанова от 16 декабря 1799 г. ([Дмитренко] 1898: 402). К слову, в документе зафиксирована любопытная ситуация, связанная с преодолением трудностей российско-османской коммуникации. Дело в том, что этого «посланца» задержали и оставили в одном из карантинов — надо думать, на

территории ЧКВ. Однако, через российских переводчиков, бывших на тот момент у «генерала» (авторы полагают, что речь шла именно о Т.Т. Котляревском), некий разговор с этим представителем анапского паши состоялся, «и что нужно было ему («генералу». — *В.К., Д.С.*), то через оного все говорено равно и выгоды сии, что следовало, сделаны» ([Дмитренко] 1898: 402). В апреле 1804 г. Уссеин-паша (Сеид-Хуссейн) отправил «нарочно одного человека с бумагою» на Бугазский карантин, но «в то время в Бугазе письмо это читать некому было». Данное письмо было в итоге доставлено войсковому атаману ЧКВ Ф.Я. Бурсаку (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 484. Л. 35—35 об.). Позже, в мае 1804 г., посланцем паши оказался грек Василь Хавъяра, объяснявший ситуацию с невозможностью переводить в Анапе письма с русского языка тем, что «у паши на российский писать некому на ответ (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 484. Л. 37).

К Таврическому гражданскому губернатору Д.Б. Мертваго от анапского паши был направлен в 1806 г. «чиновник Алим Байлактарь» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 525. Л. 4, 5), названный в другом документе «черкесином» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 525. Л. 5). Из документов не вполне ясно — шла ли речь об одном и том же человеке или же о разных людях? По-видимому, присылка байрактара и других лиц из Анапы к Бугазу являлась определенной практикой со стороны пашей: подобное случалась и раньше, и позже, на что соавторы статьи тоже обратили внимание. Например, из рапорта М.С. Гулика в войсковое правительство от 28 февраля 1798 г. следует, что трехбунчужный Осман-паша прислал к Бугазу своего байрактара со «словесным известием» о готовящемся набеге двухсот черкесов, намеревавшихся переправиться «при Курках» через Кубань (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 57. Л. 1 а — 2).

В конце 1815 г. письмо от анапского паши на имя атамана ЧКВ Ф.Я. Бурсака было прислано «бек Мурзою Шам Оглубеем», о чем доложило Таманское земское сыскное начальство (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 709. Л. 1). В апреле 1823 г. в письме А.П. Ермолова на имя анапского паши Сеид-Ахмета упоминался другой посланник паши — Сулейман-ага, доставивший письмо паши командующему Кавказской линией генералу К.Ф. Сталю (АКАК 1875: 487). В январе 1826 г. генерал-майор М.Г. Власов получил от анапского паши «запечатанный конверт» на свое имя, доставленный в Черноморию курьером — турком Бечуге (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 229 в. Л. 1).

Языки коммуникаций. Сообщения, направляемые друг другу османскими и российскими властями разного уровня, передавались с помощью таких способов коммуникации, как письменные тексты и устная речь. Поэтому, одна из важнейших исследовательских проблем — исследование языков письменной и устной коммуникации интересующих нас сторон, установление состава толмачей и переводчиков, а также содержания и качества соответствующих переводов. Безусловно, в ходе письменной коммуникации анапских пашей с администрацией ЧКВ и с иными представителями российских властей главным языком неизменно выступал *османо-турецкий* (староосманский). Документальные источники, доступные авторам, свидетельствуют о том, что анапские паши останавливали свой выбор, чаще всего, именно на этом языке, организуя написание и отправку писем российским адресатам. В меньшей степени все сказанное выше о бюрократическом (одновременно — культурном) выборе того или иного паши относилось к армянскому и к греческому языкам. Самые ранние из сохранившихся писем анапских пашей, созданные на османо-турецком языке, относятся к 1793 г.; например, это письма анапского Мустафы-паши. В том же году была составлена на «турецком» языке записка османского пограничного комиссара Сеида Эфенди (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 223. Л. 91).

Соавторами выявлено в ГАКК несколько подлинных писем на османо-турецком языке, выполненных арабской графикой; два или три письма на том же османо-турецком языке — армянскими буквами (рис. 2 и 3) и одно — на новогреческом языке (рис. 1). В распоряжении исследователей оказываются, чаще всего, русскоязычные переводы писем анапских пашей или копии с копий на русском же языке (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 37). Другое дело, что в одних документах (причем, как с российской, так и с османской стороны) неоднократно нам встречались *упоминания об аналогичных письмах* (несохранившихся/невыявленных), по которым можно предполагать их важные характеристики, включая язык написания. Письмо, составленное «на турецком диалекте», было отправлено анапским пашой в ЧКВ на имя А.А. Головатого, а также еще одному российскому корреспонденту, о чем можно судить по рапорту Ф. Данильченко А.А. Головатому от 1 сентября 1795 г., сообщавшему об обстоятельствах поездки Н.И. Гаджанова в Анапу и его встрече с пашой (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 330. Л. 7). На «турецком» (османо-турецком арабской графикой) писал Сеид-Ахмет-паша атаману ЧКВ Ф.Я. Бурсаку в конце 1815 г. (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 709. Л. 1), атаману Г.К. Матвееву — в феврале и в апреле 1823 г. (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 859а. Л. 5, 9) (рис. 4 и 5).

Г.Р. Лозинский сообщил атаману Ф.Я. Бурсаку своим рапортом от 9 октября 1800 г. об отправке генерал-майору С.Е. Драшковичу двух писем «на турецком диалекте», полученных им от османского чиновника — вероятно, тоже связанных своим происхождением с анапским пашой, как с их адресантом (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2. Л. 269 об.; Черкасов 2020: 1503). Войсковой судья А.А. Головатый, переправивший атаману З.А. Чепеге запись речей Г.Р. Лозинского и перевод письма анапского Мустафы-паши «на греческом деалекте», писал 3 октября 1793 г. о том, что перевод оказался «худым», т.е. плохого качества. Признавая мало достижимой возможность добиться от своих «местных кадров» более качественного перевода, судья интересовался у З.А. Чепеги — найдется ли у того необходимый переводчик (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 112)? Автором письма «на греческом деалекте», точнее, на новогреческом, выступал, скорее всего, малообразованный грек, обладавший хорошим, именно «греческим почерком» (по мнению консультанта, именно почерк указывает на греческое, а не на тюркское, к примеру, происхождение писца), писавший, однако, с ошибками[3].

Сохранилось несколько писем от анапских пашей, написанных на армянском языке или на османо-турецком языке, но выполненных армянскими буквами[4]. Помимо подлинников, упоминания о таких письмах сохранились в других документах. Из перевода письма анапского Османа-паши майору М.С. Гулику, полученного 10 декабря 1798 г., следует, что оно было написано на армянском языке (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 237—237 об.). Заметим, что письмо стало ответом Османа-паши на инициативное письмо самого М.С. Гулика от 27 ноября 1798 г. (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 238—239). Особенно важна фраза о том, что документ «переводил с армянского на российский диалект полковой есаул Иван Къюлов» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 237 об.). По всей видимости, этот Иван Къюлов и «полковой есаул Квелов» из другого документа за 1800 г. (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2. Л. 275) — одно и то же лицо. Во втором случае речь также идет о письме анапского паши на имя атамана ЧКВ Ф.Я. Бурсака, полученном 16 августа 1800 г. (рис. 2). Несколько позже Ф.Я. Бурсак письменно ответил паше, подчеркивая, «что неоднократно к

[3] Авторы благодарят за консультацию канд. ист. наук З.Е. Оборневу, науч. сотр. Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (г. Москва).

[4] Авторы благодарят за консультацию А.П. Хатламаджияна, историка-арменоведа, независимого исследователя (г. Ростов-на-Дону).

вам моему приятелю писал и дружески просил» (Черкасов 2020: 1502) по конкретному поводу — найти и вернуть его родственницу, находившуюся в плену. Еще одно письмо «на армянском диалекте», адресованное Т.Т. Котляревскому, доставил от паши в декабре 1799 г. уже известный нам Н.И. Гаджанов ([Дмитренко] 1898: 403). Необычно то, что анапские паши могли писать своим российским адресатам на русском языке! Такая гипотеза изначально была высказана соавторами статьи при постановке частных исследовательских задач, необходимых для раскрытия темы. В одном из архивных дел ГАКК содержится упоминание о письме анапского паши за 1806 г. именно на русском языке — в связи с возвращением ЧКВ украденных лошадей и доставкой их на Бугазский карантин (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 509).

Выбор османской стороной армянского или греческого языка для составления официальных и частных писем (помимо османо-турецкого и русского, казалось, «естественных» для данной культурной ситуации), был обусловлен наличием как у турок-османов, так и у российских властей армян и греков, занятых в сфере трансграничной торговли и ремесла, способных выступать в качестве переводчиков. Это тем более очевидно, что отдельные выходцы из армянской среды даже состояли на российской службе[5].

В некоторых случаях можно только предполагать, что посланцы из Анапы доставляли российским администраторам письма от своих патронов. Так, мы располагаем свидетельством о прибытии к Таврическому гражданскому губернатору Д.Б. Мертваго посланца от анапского паши в конце 1806 г. Но известно об этом стало из рапорта атамана Ф.Я. Бурсаку от полкового есаула Матвеева 5 января 1807 г., а также из нескольких других документов (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 525. Л. 4, 5—5 об.).

Сохранилось несколько копийных писем от российских чиновников, адресованных анапским пашам (напр.: ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 330. Л. 2—2 об.); гораздо больше *косвенных данных*, тоже приводимых по тексту статьи, о таких документах, передаваемых в Анапу по разным каналам коммуникации. Можно предположить, что переписка российских властей с Анапой осуществлялось, главным образом, на русском языке. Быть может, часть подобной корреспонденции составлялась на армянском или на (ново)греческом языках. Наконец, пока не выявлены *прямые* доказательства того, что интересующая нас документация составлялась на *османо-турецком языке*. Впрочем, по косвенным данным, связанным с описанием российскими «посланцами» своих поездок в Анапу (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 81; [Дмитренко] 1896: 753), можно заключить, что какая-то часть документов из Черномории, адресованная пашам, писалась не на русском языке. Гипотеза связана с нашими наблюдениями над теми фрагментами подобных рассказов, в которых указано на *чтение* пашой вручаемых ему российских документов (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 81, 104; [Дмитренко] 1896: 753). При этом, нам достоверно известно о том, что анапские паши по-русски *не говорили* и русской грамотой *не владели*. В то же время, нам известны случаи, когда в ходе корреспонденции с анапским пашой российские чиновники использовали французский язык — например, князь П.Д. Цицианов в своем письме за 1805 г. (АКАК 1868: 982—983).

Формуляры документов. Структура документов (писем, отзывов) с обеих сторон представляла собой последовательность лексических единиц, составлявших определенный формуляр, включая инскрипцию, интитуляцию, салютацию и т.п. элементы. В то же время, в структурировании конкретных текстов (и, соответственно, индивидуальных формуляров) прослеживается вариативность, в т.ч. обусловленная разной степенью «знакомства» того или иного анапского паши с конкретным российским визави. Выражением наибольшего личного

[5] См. выше про службу в ЧКВ Н.И. Гаджанова, ездившего несколько раз в Анапу с дипломатическими поручениями, начиная с 1795 г., и переводчика И.А. Къюлова, являвшегося полковым есаулом войска.

доверия/любезности со стороны пашей являлось обращение к российским адресатам по имени-отчеству. В нашем распоряжении имеется несколько писем с использованием подобных обращений. Адресатами здесь выступали войсковой судья ЧКВ А.А. Головатый: паша обращался к нему, как к «Антону Андреевичу» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 103); а войсковой старшина М.С. Гулик отмечен так: «Милостивый благодетель и благосердечный приятель Мокий Семенович» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 237).

Встречается иная форма инскрипции — вежливая и уважительная, но такая, что ее адресная направленность существенно «снижена» или вовсе обезличена. Например, читаем: «Дружелюбному соседу, войска Черноморского войсковому атаману» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 484. Л. 35). А в конце 1815 г. анапский паша обращался к атаману Ф.Я. Бурсаку следующим образом: «Превосходительный Господин Дружелюбный Сосед Генерал живущий в России противу Бзадух» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 709. Л. 2). Когда же, скажем, в начале 1793 г. турки-османы не располагали сведениями о фамилии, имени, должности конкретного адресата на территории Черномории, то обращение со стороны паши тоже выглядело нейтральным и, вместе с тем, уважительным: «Находящемуся на речке Кубани запорожского войска начальнику свидетельствую мое почтение» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 37). В данном обращении важна деталь, свидетельствующая о переносе привычных туркам-османам исторических образов на их «новых» соседей — казаков-черноморцев. В подобной исторической картине мира нашлось место хорошо знакомым туркам-османам еще по прошлым временам запорожским казакам. Это тем более вероятно, что в первые годы после переселения в Черноморию казаки неоднократно именовались в российских документах (в т.ч. на страницах войсковой делопроизводственной документации) *запорожскими*, а их войско — *Запорожским.*

Содержательная часть письма зачастую начиналась оборотами, демонстрировавшими ответный характер письменной коммуникации. Так, Осман-паша в августе 1800 г. писал атаману ЧКВ Ф.Я. Бурсаку: «Письмо ваше и при нем господина генерала от кавалерии и кавалера Михельсона таковое ж я имел честь получить, причем вас приятеля моего уведомляю…» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2. Л. 275). В ряде случаев паши удостоверяли подлинность своих писем российским адресатам оттисками личной печати, а также при помощи т.н. *пенче*[6] (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 102; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2. Л. 274, 320, 321; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 859 а. Л. 5, 9).

Аналогичным образом можно исследовать эволюцию формуляров (как условного, так и индивидуальных) писем, многократно отправляемых в Анапу российской стороной на протяжении более 30 лет, начиная с 1790-х гг. Наибольшая степень уважения выражалась по отношению к чиновнику, как к начальнику пашалыка, таким образом: «Высокостепенный и Высокопочтенный Трапезондский, Потийский и Анапский Чечен Оглу Гаджи Гасан Паша!». Именно так генерал В.А. Сысоев обращался в 1826—1827 гг. к своему анапскому визави (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 268. Л. 45). «Высокостепенным» именовал анапского пашу Сеида-Ахмета в своем письме генерал А.П. Ермолов в 1819 г. (АКАК 1875: 415). И в более ранних письмах встречалось обращение к анапскому паше, как к «Высокостепенному». Именно так именовал своего корреспондента атаман ЧКВ Ф.Я. Бурсак в сентябре 1800 г.: «Высокостепенный и почтенный господин трехбунчужный Осман паша, анапской крепости

[6] «Пенче» (перс. — «пятерня», «лапа») — разновидность монограммы, наподобие султанской тугры. Ставилась на документах, исходивших от великого везира и других, более низкоранговых, чиновников Османской империи. Соавторы благодарят за консультацию канд. ист. наук, вед. науч. сотр. Национальной библиотеки Республики Татарстан И.А. Мустакимова (г. Казань). В нашем конкретном случае *пенче* проставлялась выше оттиска печати, а сам документ датирован 11 сафара 1208 г.х., т.е. 6 сентября 1793 г.

и закубанских народов начальник, дружелюбный войску Черноморскому сосед и приятель мой» (Черкасов 2020: 1502). В других случаях мы наблюдаем обращение, соотносимое с должностью, расположенной в соответствующей иерархии ниже, например — «Ваше Превосходительство». Подобное обращение к анапскому паше Сеиду-Хусейну использовал в 1805 г. кн. П.Д. Цицианов. Помимо этого, он использовал в инскрипции такое неофициальное и уважительное обозначение, как «благоприятель мой» (АКАК 1868: 984). Данная формулировка, по-видимому, являлась устойчивым оборотом, маркирующим со стороны адресанта приязнь и уважение по отношению к адресату. Заметим, что окончание аппрекации могло маркироваться формулой, с одной стороны, выражавшей благопожеланиие, а с другой — заинтересованность в продолжении коммуникации с адресатом. Например, в январе 1819 г. А.П. Ермолов заканчивал письмо Сеид-Ахмету-паше так: «Затем прося Бога, да сохранит Он в невредимости ваше здоровье, честь имею оставаться истинно вам усердный и доброжелательный» (АКАК 1875: 415). Заметим, что характер и точность титулования российскими властями анапских пашей могли оцениваться адресатами в символических категориях престижа, авторитета, наконец, равноправности/неравноправности переписки. Так, в 1795 г. анапский Сеид-Мустафа-паша неспроста спрашивал у есаула Н.И. Гаджанова, владеет ли тот русской грамотой (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 330. Л. 6)? Есаул, действительно умевший читать по-русски, «прочел писмо с должным написанием пашинского достоинства», отметив в своем рапорте, что в ответ на это паша ничего не сказал (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 330. Л. 6).

Каналы коммуникации. Как было показано выше, «каналы» коммуникации, чаще всего, локализовались на Бугазской карантинной заставе, на функционировавшем в том же локусе Бугазском меновом дворе, в дальнейшем — в структуре Керченского и Бугазского попечительства торговли с черкесами и абазинцами. Функциональность такого контактного места была обусловлена, по-видимому, его удобным географическим расположением. Именно при Бугазе размещалась переправа через Бугазский лиман — «чрез Бугаз перевоз». До начала августа 1793 г. она контролировалась донскими казаками во главе с есаулом Агапом Мустафиным. А затем, согласно ордеру войскового судьи ЧКВ А.А. Головатого, «свое видение» над переправой принял полковой есаул Лукьян Бердин ([Дмитренко] 1896: 663). Бугаз оставался важной точкой соприкосновения, местом легальных контактов двух «миров» — вплоть до завоевания Анапы в 1828 г. российскими властями. Например, В.А. Сысоев писал в июне 1827 г. руководству Бугазского менового двора: «Препровождаю при сем Конверт мой за № 1266 на имя Анапского Гаджи Гасан Паши, прошу *отправить оный к нему в Анапу известным средством* и меня уведомить» (выделено нами. — *В.К., Д.С.*) (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 256. Л. 8). В статье также показано, что к Бугазу неоднократно приезжали посланцы от анапских пашей — передававшие российской стороне как устную информацию, так и письма.

Переписка и коммуникационные случаи (кейсы). Дипломатическое взаимодействие между российской и османской сторонами осуществлялось не только в письменном виде, но и «словесно». Устная коммуникация того или иного «посланника»/курьера, передававшего официальное письмо, дополняла модель отношений, раскрывая контексты взаимодействия. Такая многоканальность, скорее всего, была призвана обеспечить ещё большую эффективность отправляемой и получаемой информации.

Попытаемся в хронологической последовательности рассмотреть известные нам ситуации взаимодействия двух сторон. Переселенческие потоки казаков-черноморцев на Кубань начались с августа 1792 г., вплоть до лета 1793 г. В июне 1793 г. было выбрано место под «войсковой град» Екатеринодар, а позднее стали основываться куренные селения.

Практически сразу стали фиксироваться мелкие пограничные конфликты новых поселенцев с местным черкесским населением и с отдельными представителями общины казаков-некрасовцев. Несколько раз К.И. Габлиц писал в 1793 г. анапскому Мустафе-паше в связи с этими конфликтами на территории Черномории, в т.ч. применительно к «делу П. Малого — А. Мазанова», подробно описанному в литературе (Сень 2020b: 225—243). К.И. Габлиц информировал полковника ЧКВ С.Л. Белого 21 мая 1793 г. о том, что по рапорту от 13 апреля он сообщил анапскому Мустафе-паше «о строжайшем удержании всех за Кубанью обитающих народов от изъясненных в рапорте вашем злодеяний…» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 38). Тот же К.И. Габлиц сообщил атаману ЧКВ З.А. Чепеге 19 мая 1793 г. о доставке в Симферополь некрасовца А. Мазанова, указав, что написал в Анапу об отдаче двух казаков, денег и вещей «градоначальнику» Мустафе-паше (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 50 а). Заметим, что Мустафа-паша регулярно вступал во взаимную переписку с российскими властями. Еще весной 1793 г., согласно письму паши К.И. Габлицу, речь зашла о возвращении из Черномории некрасовцев «Андрея, Егора, Карпа, Авагима и Димитрия, бывших на Кубани для рыбной ловли» и, скорее всего, захваченных (убитых?) казаками-черноморцами (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 223. Л. 101). Этот запрос имел немалый резонанс в Черномории, поскольку в ситуацию вмешался вице-губернатор К.И. Габлиц (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 34, 35 об., 67, 116—116 об., 128). Действия сторон по разбору взаимных претензий привели к организации поездок Г.Р. Лозинского в Анапу летом 1793 г.: 26 июня последовал ордер К.И. Габлица С.Л. Белому о необходимости «сыскать» старшину, владеющего турецким языком и отправить его в Анапу с письмом паше (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 60). В итоге Г.Р. Лозинский, который повез в Анапу два «конверта» (т.е. два письма) не только добрался до крепости, передав письма, но и основательно пообщался с Мустафой-пашой (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 60, 61—61 об., 68). Ему был оказан радушный прием (при расставании паша одарил прапорщика шубой), причем Мустафа-паша просил содействовать и ему тоже в решении определенной проблемы. Речь шла о выдаче 14 греков, бежавших из Анапы и похитивших немалую часть «царской казны» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 68). Из материалов показаний Г.Р. Лозинского от 30 июня 1793 г. следовало, что на прощальной аудиенции паша вручил ему «ответное письмо» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 68). Сведения об адресате отсутствуют. 12 июля 1793 г. С.Л. Белый рапортовал З.А. Чепеге об отправке показаний Г.Р. Лозинского «о слышанном и виденном» в Анапе. Не менее важной предстает и та часть рапорта С.Л. Белого, в которой полковник пишет о выполнении личного задания атамана — отправить в Анапу старшину, знающего турецкий язык, причем сделать это секретно и мимо карантина! Им оказался полковой старшина поручик С. Паливода, увозивший 1 июля в Анапу «сношение» З.А. Чепеги, адресованное Мустафе-паше (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 70). Итак, примерно в одно и то же время в Анапу летом 1793 г. один за другим были отправлены Г.Р. Лозинский (согласно указанию К.И. Габлица) и С. Паливода (согласно повелению З.А. Чепеги) с письмами.

Уже 16 июля 1793 г. С. Белый рапортовал войсковому судье А.А. Головатому о препровождении ему показаний Г.Р. Лозинского и С. Паливоды, побывавших в Анапе (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 79). В частности, нам становится известно о письменных ответах Мустафы-паши своим российским корреспондентам (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 79). Из показаний С. Паливоды от 7 июля (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 81—84) узнаем, что он отправился в путь 1 июля 1793 г. с «письменными пакетами» на имя анапского паши (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 81), достигнув цели поездки 2 июля того же года. Анализируя рассказ С. Паливоды, можно заключить, что поручик напрямую (устно) общался с Мустафой-пашой. Важен фрагмент текста о том, что «…врученное мне подал ему

сношение, которое, а равно и меня с ласковостью приняв и по их обряду угощен закусками и кофиею, между чем читал он то привезенное мною сношение о захваченнии и ограбительстве казака Романа Руденченко, по забратии на войсковой земле леса, по возвращении захваченных казаков» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 81). На наш взгляд, данный пример косвенно свидетельствует о том, что письмо, прочитанное пашой, было написано не на русском языке, а на каком-то другом. Наконец, из показаний С. Паливоды можно усмотреть, что какие-то ответные письма паша предполагал передать своим российским адресатам (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 83), хотя прямо в документе об этом не сказано.

5 июля 1793 г. в ЧКВ последовал новый ордер К.И. Габлица на имя С.Л. Белого об отправке в Анапу двух казаков-черноморцев для возмещения причиненного им ущерба, а также некрасовца А. Мазанова, обвиненного российской стороной в продаже черкесам двух казаков-черноморцев и восьми солдат (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 80). Состав группы изменился — при невыясненных обстоятельствах один из черноморцев — казак П. Малый — вскоре умер. Из рапорта полкового хорунжего Л. Будинова от 4 августа 1793 г. узнаем об отправке через Бугаз в Анапу Г.Р. Лозинского, сопровождавшего колодника, казака-некрасовца А. Мазанова, и казака-черноморца С. Безкровного (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 93). А сама поездка началась 2 августа. Более поздние показания Г.Р. Лозинского (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 104—107) позволяют судить о том, что после прибытия в Анапу посланец ЧКВ передал паше одно письмо («отзыв») от А.А. Головатого и два письма («отзыва) — от К.И. Габлица, причем их разговор осуществлялся на турецком языке (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 104). Важна ремарка Г.Р. Лозинского о диалоге паши со своим секретарем на «турецком диалекте» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 105 об.). Не менее важно обратить внимание, что паша *прочел* письма после их вручения (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 104), не прерывая встречи с посланцем ЧКВ. В ходе второй встречи с Г.Р. Лозинским паша передал ему свои письма, адресованные К.И. Габлицу и А.А. Головатому (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 105 об.). Авторам статьи удалось обнаружить письмо Мустафы-паши на новогреческом, адресованное А.А. Головатому и его перевод на русский язык (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 102—103). Приведем его текст полностью: «Кланяюсь Антон Андреевич здоровью вашему; любезнейше вам почтение отдаю. У вас имеется пойманный в Хатакале один мальчик, которого не оставьте прислать ко мне, а что я говорил с Григорием Лозинским, чтобы окончить дело прапорщика за червонцы, то пишите ко мне, и я писать буду; да только пришлите хлопца того. И тако остаюсь обо всем я просил Григория Лозинского по этому делу, а как он расскажет, и вы заблагорассудите так и делайте. На подлинном подписался Анапский паша Тюсе Мустафа» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 103). Именно на этом письме, выше печати, было проставлено *пенче*, и дата — 11 сафара 1208 г.х., т.е. 6 сентября 1793 г.

В рапорте А.А. Головатого З.А. Чепеге от 3 октября 1793 г. войсковой судья писал атаману, что «Лозинский и Безкровный от анапского паши возвратились безо всякого удовлетворения. Что же паша писал вице-губернатору, того не знаю…». «А что ко мне пишет, — продолжал судья, — то подлинное на греческом диалекте письма перевод со оного, речи Лозинского и рапорт о слыханном им при сем представляю. Но перевод очень худ из писма, ибо некому из наших лутче перевести, а разве нет ли у вас, однако за моим к вам прибытием об этом подумаем» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 112—112 об.).

Аналогичного дополнительного изучения требует и датировка письма анапского Мустафы-паши, адресованного К.И. Габлицу (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 118—119) — из какой поездки Г.Р. Лозинского в Анапу оно происходило? В этом письме паша настоятельно

просил К.И. Габлица вернуть десять казаков-некрасовцев, якобы «поворованных» черноморцами. Перед нами — копия пространного и недатированного письма анапского паши, написанного им после передачи Г.Р. Лозинским А. Мазанова в Анапу. Эта копия прилагалась к письму К.И. Габлица от 7 февраля 1794 г., адресованному в войсковое правительство (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 116—116 об.). К.И. Габлиц, комментируя запрос о некрасовцах, отмечал, что Мустафа-паша уже неоднократно был уверен (в том смысле, что ему сообщали) об их судьбе. По мнению вице-губернатора, данный случай особый — ибо паша настаивал на дополнительном расследовании и «дабы анапского пашу обезпечить во охранение от стороны нашей всего в мирном Трактате заключеннаго… войсковое правительство имеет усугубить всевозможнейшие меры на отыскание справедливости, не находятся ль показанные некрасовцы между жителями войска Черноморского…» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 116 об.). Обращение имело последствия: на своем заседании 22 февраля 1794 г. войсковое правительство решило подготовить по запросу вице-губернатора «самовернейшую справку» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 120—121 об.). Из войскового правительства ответили К.И. Габлицу 4 марта 1794 г., что разыскиваемых некрасовцев в войске не имеется: четыре некрасовца убиты казаками при нападении на кордонный пост и, мол, претензии паши безосновательны (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 126—129). Таким образом, просьба паши не только не саботировалась в Симферополе, но и порождала известное сопротивление со стороны ЧКВ в ходе расследования. Что касается датировки письма паши (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 118—119), то она может быть предложена такой — не раньше августа 1793 г. Любопытна корроборация — «мухахвизы Мустафа паша» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 119), являющаяся искаженным вариантом слова «мухыфыз» — «оберегатель», «хранитель». Письмо большое по объему, состоящее из нескольких пунктов. В этом письме паша передавал диалог с Г.Р. Лозинским по делу «Малого-Мазанова», упоминал о том, что он лично допрашивал А. Мазанова; напоминал К.И. Габлицу о его письме, в котором сообщалось о похищении некрасовцами двух казаков и об отыскании и передаче одного их них в ЧКВ; подчеркивал, что своими письмами неоднократно просил вернуть ему «поворованных некрасовцов девять человек», сетуя, что результата пока нет; наконец упоминал об увозе Г.Р. Лозинским черкесского мальчика из Анапы и просил его вернуть.

Областное или губернское начальство инициировало, мотивировало и всемерно поддерживало переписку ЧКВ с Анапой. Из рапорта А.А. Головатого на имя К.И. Габлица от 1 апреля 1794 г. известна предыстория подобного случая, начавшегося весной того же года. После изучения информации от Мустафы-паши, поступившей к К.И. Габлицу, было предложено «избрать способного старшину» и отправить его с претензией от ЧКВ в Анапу (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 135). Но еще в феврале того же года из Симферополя в Кош ЧКВ сообщалось об отправке властями Таврической губернии какого-то сообщения (надо думать, письма) Мустафе-паше — в связи с действиями «закубанских жителей», направленных против черноморских казаков (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 6). 17 апреля 1794 г. К.И. Габлиц ответил на войсковой рапорт от 1 апреля, содержавший в себе показания трех закубанских «абазинцов» (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 56). Вице-губернатор написал, что вместе со своим «отзывом» на имя Мустафы-паши, передаваемым с этим своим ордером, он препровождает их к анапскому паше, требуя ответить на претензии российской стороны. К.И. Габлиц также указал отправить в Анапу команду с этими абазинцами и с его письмом на имя анапского паши (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 56—56 об.). 3 мая 1794 г. из войскового правительства был послан указ в Фанагорийское окружное правление — прислать в Кош обер-офицера, знающего турецкий язык (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 71). Оттуда сообщили

8 мая, что кроме прапорщика Г.Р. Лозинского, действительно знающего турецкий язык, но занятого каким-то другим делом (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 75 об.), других таких офицеров не имеется. Дело в том, что, по-видимому, Г.Р. Лозинский уже находился в Анапе. Но, что примечательно, из правительства вновь затребовали именно Г.Р. Лозинского (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 76). Другие документы сообщают об организации поездки Г.Р. Лозинского в Анапу (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 81—81 об.), а также о содержании требований к османской стороне (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 82—84 об.). Далее, мы узнаем о ходе следования Г.Р. Лозинского в Анапу через земли западных адыгов. В итоге — миссия добралась до Анапы, и Г.Р. Лозинский сумел встретиться и лично пообщаться с пашой на разные темы, доложив обо всем этом своему начальству в рапорте от 2 августа 1794 г. (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 114).

Для передачи посланий К.И. Габлица и сопровождения свидетелей — трех пострадавших абазинцев — в Анапу был выбран прапорщик Мусий (Моисей) Рева. Вместе с ними и с двумя отзывами вице-губернатора он выехал из Тамани 24 мая. Переправившись через Кизилташское гирло, М. Рева со спутниками на следующий день к вечеру прибыли в Анапу и были размещены «на квартиры». 27 мая М. Рева вместе с посланником от ЧКВ Г.Р. Лозинским получил аудиенцию у анапского паши, где посланник изложил претензии войска, а М. Рева — вручил «отзывы» К.И. Габлица. В ответной речи паша, тут же прочитавший послания вице-губернатора, заявил о своем желании «стараться и дать удовольствие Черноморским казакам, потому что хочет жить в мире и тишине». Он просил некоторое время для решения всех этих вопросов и перевел разговор на интересующую его тему возвращения попавшего к русским «Хачуканских орд 13 лет возрасту мальчика» ([Дмитренко] 1896: 754). Из диалога понятно, что мальчик стал предметом длительной переписки между пашой и таврическим руководством и властями ЧКВ, начавшейся еще в 1793 г. (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 103). В уведомлении об анапских событиях М. Рева также описывал важные аспекты коммуникационных ситуаций. Г.Р. Лозинский беседовал с приближенным паши бешли-агой Селимом-агой, разбирая различные вопросы, именно через него предполагая встречаться с пашой ([Дмитренко] 1896: 754).

Подпоручик Г.Р. Лозинский и после 1794 г. неоднократно направлялся за Кубань, причем не только в Анапу, но и в черкесские земли, в т.ч. для ведения переговоров о возвращении похищенных людей, скота и пр. (Черкасов 2020: 1499, 1501, 1502). Из документов следует, что он регулярно общался с османскими чиновниками (Черкасов 2020: 1503, 1504). Весной 1797 г. Г.Р. Лозинский отправился в Анапу, увозя на имя Османа-паши «ферман» и «выписки», в который раз рассчитывая на удовлетворение претензий со стороны войска (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 55. Л. 21). Находясь в Закубанье, рапортом от 10 августа 1800 г. он сообщал Ф.Я. Бурсаку об отправке анапским пашой через чиновника Селима-агу трех писем («бумаг») «к господам военному губернатору Михельсону, генерал-майору Драшковичу и вашему высокоблагородию» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2. Л. 262—263). Аналогичным рапортом от 9 октября 1800 г. он сообщал атаману Ф.Я. Бурсаку об отправке ему двух писем «на турецком диалекте» через османского чиновника Селима-агу (Черкасов 2020: 1503).

Стороны регулярно рассматривали вопрос о бежавших за границу черноморских казаках, прибегая именно к переписке, как, например, это было в 1795 г. (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 330. Л. 1—8). В Анапу из ЧКВ адресовалось письмо на имя «дружелюбного соседа» — трехбунчужного Сеида Мустафы-паши (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 330. Л. 2). Письменное требование в Анапу об отдаче в Черноморию 31 беглого казака и двух егерей должны были отвезти полковой старшина П. Кияница и сотник Н.И. Гаджанов (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1.

Д. 330. Л. 2 об.). В августе 1795 г. паша писал А.А. Головатому о получении им письма от войскового судьи с истребованием беглых казаков и сообщил ему о невозможности выдачи из-за принятия казаками ислама ([Дмитренко] 1898: 54).

Н.И. Гаджанов, наряду с Г.Р. Лозинским, стал «штатным» переговорщиком, переводчиком и посланником ЧКВ. Поэтому он и позже неоднократно отправлялся в Анапу с письмами и с всевозможными поручениями. В октябре-декабре 1799 г. Н.И. Гаджанов ездил в Анапу по поручению атамана ЧКВ Т.Т. Котляревского. В рапорте Н.И. Гаджанова об этой поездке приведен необычный маршрут следования в Анапу, поэтому мы посчитали необходимым остановиться на нём: «…переправлен я 21 октября на остров Казадаей, а оттоль с бывшими там нагайцами того числа в селение Жеметейское, с коего, нанявши двух Абазинцев, до Анапа поехал…». Приехав в тот же день в Анапу, Н.И. Гаджанов отправился к паше, вручив ему письмо от Т.Т. Котляревского. По-видимому, не имея возможности прочесть письмо, паша расспрашивал Н.И. Гаджанова об адресанте и о содержании письма. После изложения Н.И. Гаджановым сути послания с просьбой вернуть угнанный скот, паша ответил, что распорядился разобраться в этом вопросе ([Дмитренко] 1898: 399). Паша призвал к себе абазинских князей, а через несколько дней, когда они собрались, предложил через своего чиновника Матаржа-башу Н.И. Гаджанову «словесно» пересказать претензии черноморских казаков. После оглашения претензий, по распоряжению паши, Н.И. Гаджанов вместе с князьями отправился в поездку по селениям «абазинцев» для поиска похищенного скота, продлившуюся с 27 октября по 8 ноября. Вернувшись в Анапу и безрезультатно прождав несколько дней возвращения лошадей, Н.И. Гаджанов добился через турецкого чиновника новой аудиенции у паши и был принят им 12 ноября. Переговоры продолжились: Н.И. Гаджанов рассказал паше, что так и не дождался возврата украденного. Паша просил подождать еще пять дней ([Дмитренко] 1898: 400—402). Н.И. Гаджанов остался в Анапе, продолжая взаимодействовать с приближенным паши — кегай-беем — пытаясь дополнительно решить проблему возвращения пленных и беглых казаков. 19 ноября Н.И. Гаджанов побывал на приёме у паши уже по данному вопросу: паша разрешил забрать трех казаков — Леонтия Тонкошкурого, Степана Стобенко и Гаврилу Браганеца. Только 11 декабря 1799 г. паша призвал Н.И. Гаджанова вновь и вручил письмо, адресованное Т.Т. Котляревскому, «на армянском диалекте, кое при сем в покорности представляю». Устно же паша просил передать атаману: «…что я сколько не старался в отыскании оных лошадей, но не в чем не успел, на что издержал собственных своих денег четыреста левков» ([Дмитренко] 1898: 403—404). Об этой же поездке есаул Н.И. Гаджанов 31 января 1800 г. информировал атамана Ф.Я. Бурсака, сменившего на этой должности умершего Т.Т. Котляревского. Целью миссии в Анапу было требование «от тамошнего анапского паши отдачи поворованных закубанскими хищниками с Павловского и Староредутского кордонов двух лошадиных табунов» (Черкасов 2020: 1494).

В 1797 г. анапский наместник Осман-паша обращался к российским властям с просьбой выдать ему 12 человек, трое из которых были солдатами, бежавшими из Анапы морем в Крым. Его просьба дошла до высших чинов Российской империи. Вице-канцлер князь А.Б. Куракин ответил паше, вежливо отказав в выдаче беглецов, мотивируя решение аналогичными действиями турок, не возвращавших российских перебежчиков (Приймак 2011: 128). 16 марта 1798 г. близ Бугаза произошла передача частично найденного турками скота, захваченного черкесами у казаков. Возврат инициировал Осман-паша, приславший со своим письмом кегая-бея и скот (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 57. Л. 50).

Помимо примеров письменной коммуникации, укажем на случаи устного взаимодействия сторон. 15 мая 1798 г. «в дистанции Андреевского кордона переправясь

через Кубань на нашу сторону турецкий чиновник Селим ага Серден Дечты и абазинский черкесский князь Мурадин бей с двумя служителями, и призвав к себе через разъездных казаков кордонного начальника поручика Крутофала объявили ему, что первой с них определен от анапской крепости начальника Осман паши к князю Мурадин бею в состоящее против Курок его селение, называемое Шуву к содержанию с их стороны и недопущению дальнейше закубанских хищников чинить на войсковых землях воровства пограничной стражи…». По распоряжению вышестоящего начальства поручик Емельян Крутофал вступил с прибывшими в переговоры через переводчика (Черкасов 2020: 1481—1482).

30 мая 1798 г., как следовало из рапорта есаула М.С. Гулика атаману ЧКВ Т.Т. Котляревскому, к Екатеринодарскому меновому двору прибыл посланник анапского паши тюфекчи-баша Мегмет, вызвавший для переговоров есаула. Турок объявил через переводчика, что послан пашой «для взыскания с черкес за причиненные ими войску черноморскому воровством обиды». Узнав о намерении абазинцев напасть на него и получив повеление от паши вернуться в Анапу, турок просил снабдить его двумя лодками для следования в Анапу речным путем. М.С. Гулик выделил лодки и дал распоряжение начальникам карантинной стражи пропустить турок (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 360. Л. 46—46 об.).

В июле 1798 г. в войсковом правительстве ЧКВ рассматривали предложение Новороссийского военного губернатора генерала графа М.В. Каховского о поиске бежавшего закубанского ясыря с женой Хазиной и четырьмя детьми. Этого человека якобы «сманил» и увез на лодке через Курчанский брод на российскую сторону Кубани некий некрасовец Андрей, о чем М.В. Каховский узнал из письма трехбунчужного анапского Осман-паши, просившего вернуть беглого раба (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 183).

В ноябре-декабре того же 1798 г. состоялась переписка между анапским пашой и войсковым старшиной майором М.С. Гуликом. Письмо паши на имя М.С. Гулика было написано на «армянском диалекте», а его переводчиком выступил полковой есаул И.А. Къюлов. В данной переписке вновь поднимался вопрос о возврате похищенных с обеих сторон людей и скота. Осман-паша и М.С. Гулик обращались друг к другу подчеркнуто уважительно: паша к адресату — по имени-отчеству («милостивый благодетель и благосердечный приятель Мокий Семенович»), а М.С. Гулик — «знаменитый господин Осман-паша и почтеннейший войску Черноморскому сосед». Паша уверял майора, что после удовлетворения казаками османских претензий он тоже обязуется им содействовать: «Если же вперед еще кто-либо задумает из черкес переправится на вашу сторону для воровства, а Мурадин об оном увидит в том будет, тот час вам давать знать, о чем меня уверял. При сем же посылаю и вам своего чиновника, который будет стараться с Мурадином в отыскании вашей прописки, если же сыщут, то будет оные вам возвращены…» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 237—239).

В начале XIX в. между российским и османским чиновниками на Северо-Западном Кавказе, соответственно, между войсковым атаманом Ф.Я. Бурсаком и анапским комендантом (или наместником) Осман-пашой, сложились доброжелательные отношения. Эту особенность отмечал в своих научных работах ещё «классик кубанской историографии» Ф.А. Щербина. «Паша заранее предупреждал войскового атамана о готовившихся набегах черкесов на Черноморию. В одном из писем из Анапы он известил атамана, что абазинцы намеревались произвести нападение на Черноморию через Бугаз, Курки, Журавлевку и по всей Кубани. Осман паша старался всячески повлиять на черкесов, чтобы они воздержались от набегов, грабежей и воровства… В своих письмах к Ф.Я. Бурсаку он неоднократно обещал обязать круговою порукою черкесов возвратить казакам заграбленное у них

имущество…. В одном письме он писал, что 23 аула абазинцев под клятвою обязались возвратить казакам, в течение двух лет, все наворованное у них…» (Щербина 1913: 153). Ф.А. Щербина описывал и другие детали переписки между двумя региональными руководителями: «…7 июня 1800 г. Осман паша писал Бурсаку, что казаки и натухайцы увели 150 анапских лошадей и просил возвратить украденное. В другой раз, когда вещи были украдены у самого паши, он просил атамана о розыске этих вещей. В письме 16 июля Ф.Я. Бурсак уведомил пашу, что его вещи украдены не татарином, как предполагал агент паши Кьягья-бей, а беглым малороссом Гаврилой Брагинченком вместе с другими двумя русским беглецами, живущими в Анапе» (Щербина 1913: 153). Из переписки Османа-паши и Ф.Я. Бурсака в августе 1800 г. следовало, что произошел своеобразный обмен «любезностями»: Ф.Я. Бурсак через османского чиновника Селима-агу вернул украденные «российским человеком Брагивцем» вещи, паша же обещал вернуть захваченную в плен российскую женщину Варвару. В то же время Осман-паша сетовал, что, согласно «условию вашему, сделанное с Къягъя беем», ему должны были вернуть 17 хатукайцев, бежавшего ясыря и трех казаков-некрасовцев, а вернули только некрасовцев (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2. Л. 275). Из османского письма от 2 июля 1800 г. узнаем, что кегай-бей был назначен уполномоченным от паши для переговоров о взаимных претензиях: «Осман уверял атамана, что Кьягья-бей сумеет ввести черкесов в границы мирного сожительства с казаками и что больше набегов со стороны черкесов не будет». Уполномоченным от ЧКВ войска в переговорах стал полковой есаул Н.И. Гаджанов (Щербина 1913: 154).

В октябре того же 1800 г. Г.Р. Лозинский (сменивший Н.И. Гаджанова в роли уполномоченного и находившийся в Закубанье совместно с османскими чиновниками в составе группы по возмещению ущерба и возвращению пленных и угнанного скота) докладывал Ф.Я. Бурсаку, что судьба Варвары Жолобыхи и её детей так и не прояснилась, а поиски их в различных черкесских аулах не увенчались успехом (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2. Л. 269—269 об.). В то же время факты свидетельствовали о желании Осман-паши урегулировать противоречия между сторонами, несмотря на невозможность полностью возместить ущерб. «Как видно из переписки Бурсака с Осман пашею от 25 июня 1800 г., черкесы в течении трех лет с 1797 по 1800 г., возвратили казакам 77 лошадей, 47 штук рогатого скота и 10 человек пленных, но они должны были еще возвратить 362 лошади, 200 голов рогатого скота, 25 душ пленных и заплатить за 25 человек убитых и 10 раненых. Все это вместе… оценено было круглою суммою в 25 тысяч рублей. Бурсак требовал уплаты войску этой суммы. Осман паша признавал долг и готов был погасить его, но сделать это был не в состоянии» (Щербина 1913: 154). Как следовало из письма Османа-паши Ф.Я. Бурсаку, новый специальный представитель анапского паши «каткуда-бек» совместно с черкесами и с приближенными паши Мурадин-беком, Гаджи Магметом и Селим-агой, начиная с октября 1800 г., занимался организацией возвращения российской стороне украденных лошадей и взятых в плен людей (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 1. Л. 322—322 об.). Данное письмо было написано на османо-турецком языке армянскими буквами.

Пребывавший в Анапе после Османа-паши Гуссейн-паша (Сеид-Хуссейн-паша, иногда в русских переводах — Усеин) старался сохранять дружественные отношения с российской стороной и, как его предшественник, всячески способствовать возмещению убытков, нанесенных набегами горцев. В апреле 1804 г. Гуссейн-паша писал атаману Ф.Я. Бурсаку об известном ему набеге шапсугов на российскую сторону и о захвате в плен нескольких казаков: «...я узнав о сем через десять дней в тот час в Бугазскую сторону нарочно одного человека с бумагою посылал, в то время в Бугазе письмо это читать некому было». Выяснив,

где содержались пленные, паша отправил туда своего доверенного человека («воспитанник мой») Чуху Ивсиф-агу с приказом о возврате захваченных казаков (Черкасов 2020: 1539).

29 мая 1804 г. Г.Р. Лозинский рапортовал войсковому атаману Ф.Я. Бурсаку о приезде из Анапы к Бугазу «для переговору» от анапского паши грека Василия Хавъяра в связи с тем, что «якобы паша от вашего высокоблагородия получал письма в рассуждении черкес». В. Хавъяра приехал с устным сообщением, поскольку на тот момент составить письмо «по-российски» в свите анапского паши было некому (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 484. Л. 37). Но вскоре письма из Анапы вновь стали поступать российским адресатам: в 1805 г. соответствующая переписка была инициирована анапским пашой Сеидом-Хусейном, обратившимся к командующему Кавказской линией генералу Г.И. Глазенапу с претензией по поводу вторжения российских войск в Закубанье, причинивших «беспокойство и вред подданным Турецкой империи». Отметим, что на претензию ответил письмом высший на тот момент кавказский начальник — главнокомандующий войсками в Грузии кн. П.Д. Цицианов. Он полемически заметил, что именно турки первыми нарушили союзный договор: «Долгом звания моего ставлю вопросить В. Пр. со всею свойственною мне откровенностию кто преступил сию обязанность, — тот ли кто вошел в Турецкие границы, управлению вашему вверенные, для возвращения только своей собственности; или В. пр., допустив ваших подвластных, перейдя по сию сторону Кубани, увлечь почти из под самого Георгиевска столь знатное число Абазинцев, Российских подданных? Отдавая сие на беспристрастное суждение В. пр., я должен сказать, что обстоятельство сие, яко совершенно противное правилам союза и мирных постановлений, между двумя высокими державами существуемых к блаженству рода человеческого, не оставлю я довести до сведения министра нашего, в Константинополе пребывающего, и донес Е.И.В. всемилостивейшему моему Государю государей» (АКАК 1868: 984).

События русско-турецкой войны 1806—1812 гг. на Северо-Западном Кавказе привели к очередному штурму и взятию Анапы российскими войсками. После подписания мирного договора в Бухаресте в 1812 г. Анапа была возвращена Османской империи. В 1813—1814 гг. на русско-османском пограничье наблюдалось относительное спокойствие, обусловленное, по мнению Ф.А. Щербины, желанием назначенного комендантом в Анапу Гусейна-паши соблюдать условия договора. Турки обязались не допускать враждебных действий черкесов по отношению к русским, и Гусейн-паша «тщательно выполнял это обязательство» (Щербина 1913: 179).

В 1815 г. Таврический гражданский губернатор А.М. Бороздин сообщил войсковому атаману ЧКВ Ф.Я. Бурсаку о том, что в конце мая он получил известие от вновь «определенного» в Анапу Сеида-Магомета(Ахмета)-паши, который выказывал желание «поступать с нами дружелюбно и со своей стороны содействовать к отвращению закубанцев от набегов в наши границы». Паша просил вернуть ясырей, бежавших на российскую территорию от натухайского владельца мурзы Смаила Башка-оглу. Губернатор лично побывал на Бугазе, где находился карантин, повелев беглых ясырей вернуть владельцу (Черкасов 2020: 1665—1666).

В 1815—1816 гг. состоялась переписка атаманов ЧКВ с анапским пашей Сеидом-Ахметом о возращении из плена от черкесов русских людей, причем, якобы, инициатором выступал паша: «Его Величество мой Турецкий Государь с таким же Российским при заключении мирного трактата Постановили Между Собой имеющихся быть зафаченными в России закубанцами рогатой скот лошади и людей возвращать обратно что должна делать со своей стороны и Россия. Я же ище и недавно получил от Государя моего именной указ чтобы весь зафаченный в России закубанцами после заключения мира рогатой скот лошади и

людей отдать полностью обратно…» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 709. Л. 2). Более поздние документы свидетельствовали о том, что вышеуказанные заверения являлись, в большей степени, риторикой: реальное возвращение, особенно пленных и дезертиров, саботировалось пашой (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 709. Л. 7).

В мае 1816 г. Новороссийский генерал-губернатор граф А.Ф. Ланжерон, узнав из рапортов атамана ЧКВ Ф.Я. Бурсака о нападении закубанцев на казаков в дистанции Редутского кордона, направил 20 мая письмо анапскому паше Сеиду-Ахмету с напоминанием, что «сие противно мирному трактату» и с требованием «чтобы преступники изрубившие и ранившие казаков были непременно наказаны и взятый в плен казак же Болдырев возвращен» (Черкасов 2020: 1687). 27 мая А.Ф. Ланжерон вторично отправил послание паше с требованием прекратить набеги черкесов на российские границы (Черкасов 2020: 1688). Видимо, эти реляции возымели какое-то действие. По крайней мере, известно о том, что в январе 1817 г. анапский паша возвратил через Бугаз 35 лошадей и 53 голов рогатого скота (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 709. Л. 13).

Стороны вступали в разъяснения друг другу по поводу и других актуальных для местной пограничной жизни случаев. 18 февраля 1820 г. анапский Сеид-Ахмет-паша написал подробное письмо атаману ЧКВ Г.К. Матвееву. Суть документа сводилась к настоятельной просьбе не вмешиваться в дела управления черкесов и не поддерживать Ханука (представителя особой группы представителей династии Гиреев в черкесской среде). В данном случае имелся в виду Султан Магмет-Гирей, отец офицера и адыгского просветителя Султан Хан-Гирея (Вершигора 2003: 8—22). Этот знатный человек, получив землю в Черномории, стал активно ездить по обоим берегам Кубани, пытаясь склонить черкесских князей и дворян к подданству России. Напомнив адресату о том, что Кубань является границей «от государей наших», паша писал с недовольством, что если меры не будут приняты, то он пожалуется в Стамбул российскому резиденту. Интересна фраза анапского паши и о том, что черкесы занимаются воровством по обеим сторонам Кубани, а те, которые приходят с правобережья Кубани, его не слушают (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2831. Л. 5—5 об.).

В нашем распоряжении имеются факты о личном участии анапского паши в судьбе пленных, выкупавшего их у черкесов и возвращавшего на российскую территорию. Например, 3 января 1821 г. в Бугазский карантин поступил для «очищения» казак Терентий Таран, рассказавший, что 17 февраля 1820 г., работая по найму на хуторе полкового есаула Капусты, он был захвачен в плен черкесами, а позднее выкуплен анапским пашой Сеидом-Ахметом и доставлен к Бугазу (Черкасов 2020: 1698).

В начале 1821 г. Сеид-Ахмет-паша обращался к российским властям с личной просьбой разрешить переехать к нему в Анапу из Гривенского Черкесского аула (куренного селения), состоящего в пределах ЧКВ, его племянниц — Гатиже и Ганбе, дочерей умершей сестры его жены, бывшей «в замужестве» за Османом-Гиреем. М.Г. Власов согласовывал этот вопрос с командующим отдельным Кавказским корпусом А.А. Вельяминовым. Получив разрешение, М.Г. Власов приказал отправить девушек в Анапу к паше «с тем, кто от него за ними прислан будет». В том же документе содержатся сведения о других взаимоотношениях А.А. Вельяминова и паши: «Сверх того в сем же повелении Его Превосходительство давая мне знать, что Паша сей давно домогается, дабы прислан был для совещаний с ним, по предмету водворения спокойствия между пограничными жителями, Российской чиновник, и что он по сему предписал Командиру Кавказской Линии Г. Генерал-Майору Сталю избрать для сего благонадежного из офицеров» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 790. Л. 1—1 об.).

Пограничные конфликты оставались предметом взаимных обращений и претензий между двумя имперскими сторонами, невзирая даже на личные симпатии и многолетнюю приязнь их представителей. В этом смысле показательна переписка главнокомандующего войсками на Кавказе генерала А.П. Ермолова с анапским Сеидом-Ахметом-пашой, длившаяся не один год. В январе 1819 г. Ермолов, получив письмо от паши, отвечал: «Желание ваше восстановить со мною знакомство и приязнь, сколь для меня приятно по пользам, от сего ожидаемым для существующего ныне дружественного союза между двумя высокими державами, столько же и лестно по отличным достоинствам В. Высокост., мне довольно известным по отдаваемой оным общей справедливости». В том же письме Главнокомандующий войсками в Грузии не преминул напомнить об обязанностях паши «справедливыми и благоразумными мерами отвращать всякие пограничные неприятности и шалости ваших подвластных», и предложил по всем спорным вопросам обращаться к его подчиненному — командующему на Кавказской Линии, со своей стороны гарантировав «всевозможные средства к вящнему подкреплению взаимного согласия и доброго соседства». Кроме того, необходимо упомянуть об обмене подарками: А.П. Ермолов получил от паши жеребца, а в ответ послал соболий мех (АКАК 1875: 415). В то же время, в письме от 30 октября 1821 г. А.П. Ермолов уже более резко высказывался по поводу продолжавшихся нарушений пограничного порядка со стороны закубанцев: «Сколько раз приносил я вам жалобу и никакой не вижу пользы. Так ли поступают добрые приятели? Рассмотрите права наши и, как человек справедливый, вы увидите, что они равные. Ни хвастать, ни грозить военным людям не пристойно и потому я ничего не скажу; но вы сами понимаете, что не всегда можно переносить оскорбления. Увидим, кому поможет Бог» (АКАК 1875: 432—433).

И в дальнейшей переписке А.П. Ермолов, сохраняя уважительное и даже дружеское величание Сеида-Ахмета-паши («по всегдашней откровенности моей к вам, благоприятель мой, как к высокому чиновнику блистательной союзной державы писал и пишу к вам всё, что только я лично мог бы говорить»), продолжал обвинять его в неспособности укротить подвластное население: «…я просил В. Высокост. о воздержании Закубанцев от хищничества, время от времени усиливающегося и приводящего в крайнее положение подданных моего великого Г.И.: но от вас, благоприятель мой, получено одно уверение в существовании прочного согласия и дружбы между обеими высокими державами, хотя действия Закубанцев на земли Черноморские и козачьи станицы, по Кубани лежащие, принятие к себе и покровительство беглецов Российских подданных достаточны были убедить меня, что В. Высокост. легче делать уверение в прочности мира и согласия, нежели заставить сообразно тому действовать управляемый вами народ. Хищничества со стороны Закубанцев превзошли меру терпения и я без опасения взыскания от всемилостивейшего Государя моего за попущение оскорблений ему в лице подданных, не могу не допустить отразить и преследовать хищников силой оружия» (АКАК 1875: 487).

В 1822 г. анапский Сеид-Ахмет-паша собирался приехать в Черноморию и лично переговорить с местным руководством в лице М.Г. Власова и Г.К. Матвеева. В начале января он выехал из Анапы, поинтересовавшись через Екатеринодарский меновой двор — будет ли он принят в Екатеринодаре? Последовал дипломатичный ответ: «…его как представителя союзной державы, примут с подобающими почестями, но без черкес в свите, за исключением немногих почетных князей». Паша в сопровождении свиты из 100 чел. просил принять его для переговоров; М.Г. Власов назначил местом встречи меновой двор на прежних условиях. Паша, недовольный этим, отправился в ближайший аул Дударука, направив оттуда известие об отказе переезжать на российскую сторону и о желании вести переговоры через

поверенного. Г.К. Матвеев, в отсутствие М.Г. Власова, «не решился вести без него переговоры» и они не состоялись. Паша двинулся в обратный путь, прислав двух чиновников и муллу с извещением, «что для ведения переговоров он пришлет уполномоченного на Бугазскую карантинную заставу» (Щербина 1913: 239—240).

В течение 1823—1826 гг. осуществлялась интенсивная переписка командующего войсками в ЧКВ генерал-майора М.Г. Власова и атамана ЧКВ Г.К. Матвеева с анапским пашой. В марте-апреле 1823 г. поводом для коммуникации стал всё тот же «обмен» захваченными в плен людьми. Паша благодарил Г.К. Матвеева за удовлетворение его просьбы о владельце Мелеке Юсуфе-оглу и обещал вернуть казака, о котором просил атаман (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 859 а. Л. 4). В январе 1826 г. М.Г. Власов получил от паши очередное письмо. Отсутствие собственных переводчиков с османо-турецкого языка заставило М.Г. Власова обратиться за содействием к атаману ЧКВ Г.К. Матвееву для перевода (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 906. Л. 1). Такая проблема с переводчиками сохранялась в канцелярии М.Г. Власова и в дальнейшем, о чём можно судить из требования М.Г. Власова на имя Г.К. Матвеева от 16 января 1826 г. за № 96 о переводе письма на «руской диалект…так, чтобы в содержании ничего небыло нужного пропущено и перевод сей вместе с орегиналом обратить немедленно ко мне». Это письмо было доставлено в Екатеринодарскую карантинную контору курьером анапского паши Бечуге и по показаниям турка адресовалось оно М.Г. Власову (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 229в. Л. 1—1 об.).

Следующее распоряжение о переводе аналогичного письма поступило от М.Г. Власова Г.К. Матвееву 27 апреля того же года. Если первое письмо за 1826 г. было от Сеида-Ахмеда-паши, то апрельское — уже от Гаджи Гассана Чечен-оглу-паши, назначенного в Анапу, о чем писал в своем рапорте от 2 мая М.Г. Власов: «Доставленное мне здешнею карантинною конторою письмо Турецкого Гасан паши, имеющаго прибыть в Анапскую крепость, препровождая… прошу вашего содействия о переводе онаго на русской язык…» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 229в. Л. 12). Переводом этих писем занимался есаул Пшекуй Могукоров и привлеченный им представитель мусульманского духовенства из Гривенского Черкесского аула мулла Селим. Можно предположить, что письма были написаны на османо-турецком языком (арабицей), для чего и использовали способности человека, владеющего подобной грамотой.

Летом 1826 г. генерал-майор В.А. Сысоев сменил М.Г. Власова на посту командующего войсками в ЧКВ. Поэтому очередное письмо от анапского паши было направлено именно ему. В.А. Сысоев, как и предшественник, обратился к атаману Г.К. Матвееву за содействием перевода писем с османо-турецкого на русский язык (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 229в. Л. 14). Потребность в переводе таких писем возникала в канцелярии В.А. Сысоева и позже. В декабре 1826 г. он писал о немедленной присылке в г. Екатеринодар переводчика — муллы Селима из Гривенского Черкесского аула (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 229в. Л. 19). Наличие подобных писем свидетельствовало о непрекращающемся обмене корреспонденцией между османской и российской сторонами.

В январе-апреле 1827 г. велись поиски бежавшего рядового Таманского полка Степана Деревянкина, в ходе которых завязалась переписка генерала В.А. Сысоева с анапским пашой о его выдаче (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 268). 4 января командующий Таманским гарнизонным полком генерал-майор Бабоедов докладывал о бегстве рядового «на каюке в Черкесскую сторону, и, вероятно, во владения Натухайских народов» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 268. Л. 13). По территории ЧКВ развернулись поиски беглеца. В.А. Сысоев, в частности, обратился к попечителю торговли Керченской и Бугазской с черкесами и абазинцами, который, в свою очередь, к комиссарам, «живущим в горах Черкесских, отыскать сего беглеца». Попечитель

рассчитывал на помощь «комиссара Люлье, имеющаго пребывание в окрестностях Анапы…», в т.ч. получить сведения, не скрывается ли С. Деревянкин в Анапе (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 268. Л. 23—23 об.). Один из комиссаров, находившийся при р. Пшаде, К.И. Тауш, узнал, что С. Деревянкин действительно находится в Анапе (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 268. Л. 31). Комиссар Л.Я. Люлье подтвердил данную информацию. Причем, он указывал, что первоначально, как ему и предписывали, самостоятельно обращался к паше о возвращении С. Деревянкина, но «не получил в ответ от паши ничего удовлетворительного», рекомендовав Сысоеву лично написать в Анапу (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 268. Л. 52 об.). В.А. Сысоев, испросив разрешения у командующего на Кавказской Линии и в Черномории генерал-лейтенанта и кавалера Г.А. Емануеля, составил письмо к паше с просьбой найти беглеца и отправить его под караулом в Бугазскую карантинную заставу. Ответ паши примечателен. Возвращая С. Деревянкина, он обращал внимание на то, что до сих пор не отправлял беглеца обратно из-за препятствий натухайцев, говоривших, «что когда бегают в Россию наши народы, то русские их не возвращают». Далее Гаджи Гассан Чечен-оглу-паша просил В.А. Сысоева простить Степана Деревянкина «за его поступок с уважением именно к паше» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 268. Л. 64).

Переписка командующего Черноморской кордонной линией В.А. Сысоева и Гаджи Гассана Чечен-оглу-паши за 1827 г. была посвящена особенной и, по-своему, уникальной ситуации. Речь зашла о запрете пашой продажи черкесских невольников в Анапе норнахичеванским купцом, армянином Аксеном Авгановым[7]. Паша пошел на данный шаг по просьбе родственников горцев, попавших в неволю. В.А. Сысоев просил пашу разрешить подобную торговлю, которая до этого случая широко практиковалась в Анапе, в т.ч. и армянами. Паша ответил уклончивым любезным письмом, объясняя запрет отсутствием у А. Авганова письменных доказательств происхождения пленников (Покровский 1957: 107; ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 256. Л. 2—8). В этом деле имеется множество интересных и важных нюансов. Заинтересованность В.А. Сысоева в судьбе «бизнеса» А. Авганова обусловлена, возможно, его использованием его в качестве «лазутчика» в Закубанье на протяжении предыдущих лет. Кроме того, А. Авганов выкупал русских пленных и перевозил их через р. Кубань, в Черномории ему взамен отдавали черкесских пленников, которых он продавал в Анапе. Несмотря на определенные «заслуги» А. Авганова, В.А. Сысоев не стал самостоятельно обращаться к паше по данному вопросу, получив на это санкцию вышестоящего начальства — генерал-лейтенанта Г.А. Емануеля (предоставив подлинник и перевод письма на русский язык) (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 256. Л. 2—8).

Известна едва ли не единственная для таких коммуникационных связей ситуация, когда корреспонденция хотя и была отправлена адресату, но не доставлена. В связи с началом новой русско-турецкой войны, генерал И.В. Гудович предписывал Ф.М. Шеншину в феврале 1807 г.: «…признавая весьма полезным при нынешних обстоятельствах привлечь к нам Анапского пашу и нельзя ли будет удержать его при сем случае в расположении и преданности к России, я поручаю В. пр. найти надежного и самого верного человека, с которым пошлите от себя письмо к Анапскому паше, которое было бы ему наисекретнейшим образом вручено» (АКАК 1869: 534—535). В начале марта Ф.М. Шеншин рапортовал И.В. Гудовичу: «…я по повелению В.С. от себя направил под видом Кабардинца с письмом к Анапскому паше Абазинского пристава Кикнадзе брата его родного, который оттуда еще не возвратился, о чем и вторично писал я писал к Анапскому паше чрез живущего за Кубанью Армянина» (АКАК 1869: 627). Через месяц, в повторном рапорте, Ф.М. Шеншин доложил

[7] Об Авгановых см.: (Колесов 2020: 85—87).

И.В. Гудовичу о возвращении «под видом Кабардинца» из Анапы Кикнадзе, «имеретинского дворянина живущего в станице Темнолесской», миссия которого не удалась. Разузнав в Анапе, что там ведутся приготовления к военным действиям и «в скором времени прибудут в Анапу 10 кораблей с Турецким войском и с оным на перемену бывшего Анапского паши другой, почему оный Кикнадзе писанное к Анапскому паше письмо не отдал, а удержал у себя и привез ко мне обратно…» (АКАК 1869: 629).

В заключение обратимся к выводам. Мы установили, что за более чем 30-летнюю коммуникацию (1792—1828 гг.) на Северо-Западном Кавказе между анапскими пашами и их соседями на российской стороне границы (в лице, прежде всего, войсковой администрации ЧКВ), сложилась определенная система взаимоотношений. Ее содержание определялось не только военными, шире — пограничными — конфликтами интересующих нас сторон, но и необходимостью договариваться об их совместном расследовании и предотвращении. Основными причинами и поводами для организации взаимного общения российских и османских администраторов являлись нарушения пограничного порядка по обеим берегам р. Кубани и их стремление урегулировать возникающие противоречия. Соответственно — администрации ЧКВ и османской Анапы стали быстро и даже последовательно развивать в регионе т.н. пограничную дипломатию, включая различные формы устной и письменной коммуникации друг с другом. Доказано, что руководство Таврической области/Новороссийской/Таврической губернии не только поощряло такие контакты, но в ряде случаев активно участвовало в них. В ходе организации и реализации подобной коммуникации все стороны переговорного процесса столкнулись с немалыми трудностями, в т.ч. связанными с буквальным непониманием устной речи и ряда письменных текстов, созданных на «чужих» для себя языках. Соавторами выявлено и проанализировано несколько десятков писем и случаев устной коммуникации с обеих сторон, включая как отпуски писем российских администраторов анапским пашам, так и оригиналы и копии (переводы) писем пашей — российским корреспондентам. Кроме того, совершенствуя методику учета подобной корреспонденции, авторы выявили источники, *упоминающие* об отправке и получении писем на разных языках.

Доказано, что российская сторона преимущественно использовала русский язык в ходе письменной коммуникации с анапскими пашами. Высказана и аргументирована авторская гипотеза о том, что некоторая часть такой корреспонденции могла, все же, писаться не на русском языке, а, быть может, на османо-турецком. Установлено, что османская сторона более гибко, нежели российская, подошла к решению проблемы — на каком языке писать российским визави? Помимо использования в переписке «основных» языков общения (русского и османо-турецкого) нами обнаружено несколько писем от пашей на армянском языке, либо на османо-турецком, но графикой армянского письма; и одно письмо — на (ново)греческом. Впервые в историографии соавторы обратились к истории переводов писем, адресованных сторонами друг другу, сумевшими, скорее, снять ее остроту, нежели кардинально решить в положительном смысле. Другое дело, что обе стороны проявили здесь собственную активность и готовность решить проблему при помощи «местных кадров». Считаем, что именно эта тенденция являлась ключевой в ходе решения застарелой проблемы, а не помощь или, напротив, жесткое администрирование со стороны вышестоящих властей. И все же: нехватка в Черномории лиц, владеющих т.н. восточными языками, способствовала привлечению специалистов из учреждений Таврической области и подобных ей административно-территориальных образований Российской империи.

Наконец, нами выявлены в источниках многочисленные медиаторы российско-османского взаимодействия, включая (с российской стороны) переводчиков устной и

письменной речи. Уточнены биографические факты некоторых из них, а также обстоятельства совершенных ими поездок в Анапу или работы с переводами необходимых документов. Многие из таких лиц, включая представителей войскового сословия (Г.Р. Лозинский, Н.И. Гаджанов и др.) специазировались именно на «анапском направлении», владея разными языками, включая восточные. Установлено, что им принадлежала особая роль в становлении и в развитии новой для этой части Северного Причерноморья трансграничной российско-османской коммуникации. В целях ее изучения нами и были сформулированы новые для историографии исследовательские вопросы, а также предложены пути их решения.

Литература

АКАК 1866: *Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. Архив Главного Управления Наместника Кавказского*. 1866. Т. I. *Напечатан под редакцией председателя комиссии ст. сов. Ад. Берже*. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского.

АКАК 1868: *Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. Архив Главного Управления Наместника Кавказского*. 1868. Т. II. *Издан под редакцией председателя комиссии Ад. Берже*. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского.

АКАК 1869: *Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. Архив Главного Управления Наместника Кавказского*. 1869. Т. III. *Издан под редакцией председателя комиссии дсс. Ад. Берже*. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского.

АКАК 1875: *Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. Архив Главного Управления Наместника Кавказского*. 1875. Т. VI. Ч. II. *Издан под редакцией председателя комиссии д.с.с. Ад. Берже*. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского.

Вершигора А.Д. 2003. *Хан-Гирей: новые документы и источники*. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа».

Веселовский Н.И. 1914. *Военно-исторический очерк Анапы*. Петроград: Типография Главного Управления Уделов.

Виноградов В.Б., Приймак Ю.В. 2006. Крымско-османские противоречия в период крушения государства Гиреев (1720—1780-е гг.). *Сборник Русского исторического общества* 10(158). *Россия и Крым*, 158—166.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 190.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 223.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 319.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 330.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 360.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 1.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 484.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 509.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 525.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 611.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 709.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 790.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 859 а.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 906.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1987
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2831.
ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8.
ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 55.
ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 57.

ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 93.
ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 37.
ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 229 в.
ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 256.
ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 268.
ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 333.
ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 383.
ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 403.

Дегоев В.В. 2005. Война и политика в эпоху присоединения Кавказа к России (первая треть XIX века). *Кавказский сборник* 2(34), 90—108.

[Дмитренко И.И.]. 1896. *Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска.* Т. III. *Войско верных черноморских казаков. 1787—1795 гг. Собраны и изданы И.И. Дмитренко. Документы извлечены из Кубанского войскового архива*. Санкт-Петербург: Типография Штаба Отдельного Корпуса Жандармов.

[Дмитренко И.И.]. 1898. *Сборник материалов по истории Кубанского казачьего войска.* Т. IV. *1795—1799 гг. Собраны и изданы И.И. Дмитренко. Документы извлечены из Кубанского войскового архива*. Санкт-Петербург: Типография Штаба Отдельного Корпуса Жандармов.

Колесов В.И. 2008. Документы, идентификация, граница земли Черноморского казачьего войска и этническая история закубанских армян. В: Кочергин А.А. (ред.). *Армения и армяне в контексте мировой культуры: Материалы региональной научной конференции (г. Краснодар, 25 апреля 2006 г.)*. Краснодар: [б.и.], 73—88.

Колесов В.И. 2018. Из «Рум-миллет» в российские инородцы: начало процесса группообразования горских греков Северо-Западного Кавказа (первая половина XIX в.). *Вестник Нижневартовского государственного университета* 4, 92—103.

Колесов В.И. 2020. Авгановы. В: Кузнецов И.В. (ред.). *Армяне Причерноморья: энциклопедия*. Т. 1. *Ааптра—Армутлук*. Москва: УП ПРИНТ, 85—87.

Колесов В.И., Фролов Б.Е. 2010. Вопросы формирования черноморского казачества (случай армянского рода Гаджановых). В: Матишов Г.Г. (ред.). *Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тезисы Всероссийской научной конференции (28—29 сентября 2010 г.)*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 298—301.

Лотман Ю.М. 1996. *Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история.* Москва: Языки русской культуры.

Макидонов А.В. 2011. *Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века*. Запорожье: Просвіта.

Матвеев О.В. 2015. *Кавказская война: от фронта к фронтиру: Историко-антропологические очерки*. Краснодар: Эдви.

Мертваго Д.Б. 2006. *Записки (1760—1824)*. Санкт-Петербург: Русская симфония.

[Микаелян В.]. 1977. Аттестаты Маркоса Кюмушли (Серебрякова). *Вестник общественных наук*. 2(410), 99—107.

Покровский М.В. 1957. *Русско-адыгейские торговые связи*. Майкоп: Адыгейское книжное издательство.

Приймак Ю.В. 2000. Османо-горские отношения в период крушения османского владычества на Северо-Западном Кавказе (конец XVIII — начало XIX в.). *Сборник Русского исторического общества* 2 (150).

Приймак Ю.В. 2011. *Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII — первая треть XIX в.)*. Армавир: Полипринт.

Прохоров Д.А. 1998. Государственные учреждения Таврической области в конце XVIII века. *Культура народов Причерноморья* 4, 123—138.

ПСЗРИ 1830: *Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое.* 1830. Т. XXIII. *С 1789 по 6 ноября 1796*. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

Рибер А. 2004. Меняющиеся концепции и конструкции фронтира: сравнительно-исторический подход. В: Герасимов В.В., Глебов С.В., Каплуновский А.П., Могильнер М.Б., Семёнов А.М. (ред.). *Новая имперская история постсоветского пространства*. Казань: Центр Исследований Национализма и Империи, 199—222 (Библиотека журнала «Ab Imperio»).

[Самовтор С.В.] 2007. Путешествие войскового старшины Черноморского казачьего войска Н.И. Гаджанова в Армению в 1803—1804 гг. (публикация С.В. Самовтора). В: Авраменко А.М. (ред.). *Историко-географический сборник*. Вып. 1. Краснодар: ООО «Картика», 464—474.

Сень Д.В. 2009. Пограничье в истории черноморского казачества: некоторые факторы освоения пространства. *Культурная жизнь Юга России* 4, 49—51.

Сень Д.В. 2010. Пограничные владения Османской империи на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII — начале XIX вв. и казачьи сообщества региона. *Казачество России: прошлое и настоящее* 3, 47—63.

Сень Д.В. 2011. Российско-османское пограничные отношения на Северо-Западном Кавказе рубежа XVIII—XIX вв.: «притяжение» Анапы. В: Сохань П. (ред.). *Покликання. Збірник праць на пошану професора о. Юрія Мицика*. Київ: Інститут української археографії, 132—141.

Сень, Д.В. 2019. Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова (конец XVII — начало XVIII вв.). В: Лисейцев Д.В., Шамин С.М. (ред.). *Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: Материалы Международной научной конференции*. Москва: ИРИ РАН, 134—143.

Сень Д.В. 2020a. «А что в тех письмах писано… того нам неведомо»: новые дипломатические практики русско-крымско-османских властей в южном пограничье (конец XVII — начало XVIII в.). В: Сень Д.В. *Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII—XVIII в.): Избранные труды*. Ростов-на-Дону: Альтаир, 84—120.

Сень Д.В. 2020b. Освоение Черномории казачеством в конце XVIII в.: случай Петра Малого и Андрея Мазанова. В: Сень Д.В. *Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII—XVIII в.): Избранные труды*. Ростов-на-Дону: Альтаир, 225—243.

Смирнов В.Д. 2008. Положение крымских архивов и их значение. В: Непомнящий А.А. *Подвижники крымоведения*. Т. 2. *Taurica orientalia*. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 529—550.

Фаньян Дж.С. 1980. Подполковник русской военной службы Н.И. Гаджанов (Агаджанян). *Историко-филологический журнал* 2, 285—289.

Фролов Б.Е. 2005. Переселение Черноморского казачьего войска на Кубань. В: Колесов В.И. (ред.). *Historia Caucasica: Региональный исторический сборник научных статей* 4, 3—84.

Черкасов А.А. 2020. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. Vol. 57—1. Is. 3—1, 1415—2266.

Щербина Ф.А. 1910. *История Кубанского казачьего войска*. Т. 1. Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления.

Щербина Ф.А. 1913. *История Кубанского казачьего войска.* Т. 2. Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления.

Berberian H. 1964. La Littérature Arméno-Turque. *Philologiae Turcicae Fundamenta* II, 809—819.

Boeck B.J. 2009. *Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great*. New York: Cambridge University Press.

References

AKAK 1866: *Akty, sobrannyye Kavkazskoyu Arkheograficheskoyu komissiyeyu. Arkhiv Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo (Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Archive of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus)*. 1866. Vol. I. *Napechatan pod redaktsiyey predsedatelya komissii st. sov. Ad. Berzhe (Published under the editorship of the chairman of the commission of State Councillor Ad. Berzhe)*. Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo (in Russian).

AKAK 1868: *Akty, sobrannyye Kavkazskoyu Arkheograficheskoyu komissiyeyu. Arkhiv Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo (Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Archive of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus)*. 1868. Vol. II. *Izdan pod redaktsiyey predsedatelya komissii Ad. Berzhe (Published under the editorship of the chairman Ad. Berzhe)*. Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo (in Russian).

AKAK 1869: *Akty, sobrannyye Kavkazskoyu Arkheograficheskoyu komissiyeyu. Arkhiv Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo (Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Archive of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus)*. 1869. Vol. III. *Izdan pod redaktsiyey predsedatelya komissii d.s.s. Ad. Berzhe (Published under the editorship of the chairman of the*

commission of the Active State Councillor Ad. Berzhe). Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo (in Russian).

AKAK 1875: *Akty, sobrannyye Kavkazskoyu Arkheograficheskoyu komissiyeyu. Arkhiv Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo (Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Archive of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus)*. 1875. Vol. VI. Pt. II. *Izdan pod redaktsiyey predsedatelya komissii d.s.s. Ad. Berzhe (Published under the editorship of the chairman of the commission of the Active State Councillor Ad. Berzhe)*. Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo (in Russian).

Vershigora, A.D. 2003. *Khan-Girey: novye dokumenty i istochniki (Khan-Girey: new documents and sources)*. Nalchik: Izdatel'skiy tsentr “El'-Fa” (in Russian).

Veselovskiy, N.I. 1914. *Voyenno-istoricheskiy ocherk Anapy (Military-historical sketch of Anapa)*. Petrograd: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov (in Russian).

Vinogradov, V.B., Priymak, Yu.V. 2006. In *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva (Collection of the Russian Historical Society)* 10(158). *Rossiya i Krym (Russia and Crimea)*, 158—166 (in Russian).

GAKK. F. 249. Op. 1. D. 190.
GAKK. F. 249. Op. 1. D. 223.
GAKK. F. 249. Op. 1. D. 258.
GAKK. F. 249. Op. 1. D. 319.
GAKK. F. 249. Op. 1. D. 330.
GAKK. F. 249. Op. 1. D. 360.
GAKK. F. 249. Op. 1. D. 365.
GAKK. F. 249. Op. 1. D. 419. T. 1.
GAKK. F. 249. Op. 1. D. 419. T. 2.
GAKK. F. 249. Op. 1. D. 484.
GAKK. F. 249. Op. 1. D. 509.
GAKK. F. 249. Op. 1. D. 525.
GAKK. F. 249. Op. 1. D. 611.
GAKK. F. 249. Op. 1. D. 709.
GAKK. F. 249. Op. 1. D. 790.
GAKK. F. 249. Op. 1. D. 859 a.
GAKK. F. 249. Op. 1. D. 906.
GAKK. F. 249. Op. 1. D. 1987
GAKK. F. 249. Op. 1. D. 2831.
GAKK. F. 250. Op. 1. D. 8.
GAKK. F. 250. Op. 1. D. 55.
GAKK. F. 250. Op. 1. D. 57.
GAKK. F. 250. Op. 2. D. 93.
GAKK. F. 260. Op. 1. D. 37.
GAKK. F. 261. Op. 1. D. 229 v.
GAKK. F. 261. Op. 1. D. 256.
GAKK. F. 261. Op. 1. D. 268.
GAKK. F. 261. Op. 1. D. 333.
GAKK. F. 261. Op. 1. D. 383.
GAKK. F. 261. Op. 1. D. 403.

Degoyev, V.V. 2005. In *Kavkazskiy sbornik (Caucasian collection)* 2(34), 90—108 (in Russian).

[Dmitrenko, I.I.]. 1896. *Sbornik istoricheskikh materialov po istorii Kubanskogo kazach'yego voyska (Collection of historical materials on the history of the Kuban Cossack army)*. Vol. III. *Voysko vernykh chernomorskikh kazakov. 1787—1795 gg. Sobrany i izdany I.I. Dmitrenko. Dokumenty izvlecheny iz Kubanskogo voyskovogo arkhiva (An army of loyal Black Sea Cossacks. 1787—1795 Collected and published by I.I. Dmitrenko. The documents have been extracted from the Kuban military archive)*. Saint Petersburg: Tipografiya Shtaba Otdel'nogo Korpusa Zhandarmov (in Russian).

[Dmitrenko, I.I.]. 1898. *Sbornik materialov po istorii Kubanskogo kazach'yego voyska (Collection of materials on the history of the Kuban Cossack army)*. Vol. IV. *1795—1799 gg. Sobrany i izdany I.I. Dmitrenko. Dokumenty izvlecheny iz Kubanskogo voyskovogo arkhiva (Collected and published by I.I. Dmitrenko. The documents have been extracted from the Kuban military archive)*. Saint Petersburg: Tipografiya Shtaba Otdel'nogo Korpusa Zhandarmov (in Russian).

Kolesov, V.I. 2008. In: Kochergin, A.A. (ed.). *Armeniya i armyane v kontekste mirovoy kul'tury: Materialy regional'noy nauchnoy konferentsii (g. Krasnodar, 25 aprelya 2006 g.) (Armenia and Armenians in the Context of World Culture: Proceedings of a Regional Scientific Conference (Krasnodar, April 25, 2006))*. Krasnodar: [s.n.], 73—88 (in Russian).

Kolesov, V.I. 2018. In *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Nizhnevartovsk State University)* 4, 92—103 (in Russian).

Kolesov, V.I. 2020. In: Kuznetsov, I.V. (ed.). *Armyane Prichernomor'ya: entsiklopediya (Armenians of the Black Sea Region: Encyclopedia)*. Vol. 1. *Aaptra—Armutluk*. Moscow: UP PRINT, 85—87 (in Russian).

Kolesov, V.I., Frolov. B.Ye. 2010. In: Matishov, G.G. (ed.). *Kazachestvo v sotsiokul'turnom prostranstve Rossii: istoricheskiy opyt i perspektivy razvitiya: Tezisy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (28-29 sentyabrya 2010 g.) (Cossacks in the Russian socio-cultural space: historical experience and development prospects: Proceedings of the Scientific Conference (28—29 September 2010)).* Rostov-on-Don: YuNTS RAN, 298—301 (in Russian).

Lotman, Yu.M. 1996. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya (Inside thinking worlds. Human — text — semiosphere — history)*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury (in Russian).

Makidonov, A.V. 2011. *Personal'nyi sostav administrativnogo apparata Novorossii XVIII veka (The personal composition of the administrative apparatus of Novorossia of the 18th century)*. Zaporizhzhia: Prosvita (in Russian).

Matveyev, O.V. 2015. *Kavkazskaya voyna: ot fronta k frontiru: Istoriko-antropologicheskiye ocherki (Caucasian War: From Front to Frontier: Historical and Anthropological Essays)*. Krasnodar: Edvi (in Russian).

Mertvago, D.B. 2006. *Zapiski (1760—1824) (Notes (1760—1824)).* Saint Petersburg: Russkaya simfoniya (in Russian).

[Mikayelyan, V.]. 1977. In *Vestnik obshchestvennykh nauk (Bulletin of Social Sciences)*. 2(410), 99—107 (in Russian).

Pokrovskiy, M.V. 1957. *Russko-adygeyskiye torgovye svyazi (Russian-Adyghe trade relations)*. Maykop: Adygeyskoye knizhnoye izdatel'stvo (in Russian).

Priymak, Yu.V. 2000. In *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva (Collection of the Russian Historical Society)* 2(150) (in Russian).

Priymak, Yu.V. 2011. *Severo-Vostochnoye Prichernomor'ye vo vnutri- i vneshnepoliticheskikh protsessakh formirovaniya yuzhnykh granits Rossii (konets XVII — pervaya tret' XIX v.) (North-Eastern Black Sea Region in the domestic and foreign policy processes of formation of Russia's southern borders (end 17th — the first third of the 19th century))*. Armavir: Poliprint (in Russian).

Prokhorov, D.A. 1998. In *Kul'tura narodov Prichernomor'ya (Culture of the peoples of the Black Sea Region)* 4, 123—138 (in Russian).

PSZRI 1830: *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda. Sobraniye pervoe (Complete collection of laws of the Russian Empire. First Collection)*. 1830. Vol. XXIII. *S 1789 po 6 noyabrya 1796 (From 1789 to November 6, 1796)*. Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii (in Russian).

Riber, A. 2004. In: Gerasimov, V.V., Glebov, S.V., Kaplunovskiy, A.P., Mogilner, M.B., Semonov, A.M. (eds.). *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva (New Imperial history of the Post Soviet Space)*. Kazan: Tsentr Issledovaniy Natsionalizma i Imperii, 199—222 (Library of journal “Ab Imperio”) (in Russian).

[Samovtor, S.V.] 2007. In: Avramenko, A.M. (ed.). *Istoriko-geograficheskiy sbornik (Historical and geographical collection)*. Iss. 1. Krasnodar: OOO “Kartika”, 464—474 (in Russian).

Sen’, D.V. 2009. In *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii (Cultural life of the South of Russia)* 4, 49—51 (in Russian).

Sen’, D.V. 2010. In *Kazachestvo Rossii: proshloye i nastoyashcheye (Cossacks of Russia: Past and Present)* 3, 47—63 (in Russian).

Sen’, D.V. 2011. In: Sokhan’, P. (ed.). *Poklikannya. Zbirnik prats' na poshanu profesora o. Yuriya Mitsika (Calling. Collection of Works in Honor of Professor Fr. Yuri Mytsyk)*. Kyiv: Institut ukrains'koi arkheografii, 132—141 (in Russian).

Sen’, D.V. 2019. In: Liseytsev, D.V., Shamin, S.M. (eds.). *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI — nachala XVIII stoletiya: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Translators and*

Translations in Russia at the end of the 16th — beginning of the 18th centuries: Materials of the International Scientific Conference). Moscow: IRI RAN, 134—143 (in Russian).

Sen', D.V. 2020a. In: Sen', D.V. *Russko-krymsko-osmanskoye pogranich'ye: prostranstvo, yavleniya, lyudi (konets XVII—XVIII v.): Izbrannyye trudy (Russian-Crimean-Ottoman Borderlands: Space, Phenomena, People (late 17th — 18th centuries): Selected Works)*. Rostov-on-Don: Al'tair, 84—120 (in Russian).

Sen', D.V. 2020b. In: Sen', D.V. *Russko-krymsko-osmanskoye pogranich'ye: prostranstvo, yavleniya, lyudi (konets XVII—XVIII v.): Izbrannyye trudy (Russian-Crimean-Ottoman Borderlands: Space, Phenomena, People (late 17th — 18th centuries): Selected Works)*. Rostov-on-Don: Al'tair, 225—243 (in Russian).

Smirnov, V.D. 2008. In: Nepomnyashchiy, A.A. *Podvizhniki krymovedeniya (Devotees of Crimean Studies)*. Vol. 2. *Taurica orientalia*. Simferopol: OAO "Simferopol'skaya gorodskaya tipografiya", 529—550 (in Russian).

Fan'yan, Dzh.S. 1980. In *Istoriko-filologicheskiy zhurnal (Historical and Philological Journal)* 2, 285—289 (in Russian).

Frolov, B.Ye. 2005. In: Kolesov, V.I. (ed.). *Historia Caucasica: Regional'nyy istoricheskiy sbornik nauchnykh statey (Historia Caucasica: Regional Historical Collection of Scientific Articles)* 4, 3—84 (in Russian).

Cherkasov, A.A. 2020. In *Bylye Gody*. Vol. 57—1. Is. 3—1, 1415—2266 (in Russian).

Shcherbina, F.A. 1910. *Istoriya Kubanskogo kazach'yego voyska (History of the Kuban Cossack Host)*. Vol. 1. Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo Oblastnogo Pravleniya (in Russian).

Shcherbina, F.A. 1913. *Istoriya Kubanskogo kazach'yego voyska (History of the Kuban Cossack Host)*. Vol. 2. Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo Oblastnogo Pravleniya (in Russian).

Berberian, H. 1964. La Littérature Arméno-Turque. *Philologiae Turcicae Fundamenta* II, 809—819.

Boeck, B.J. 2009. *Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great*. New York: Cambridge University Press.

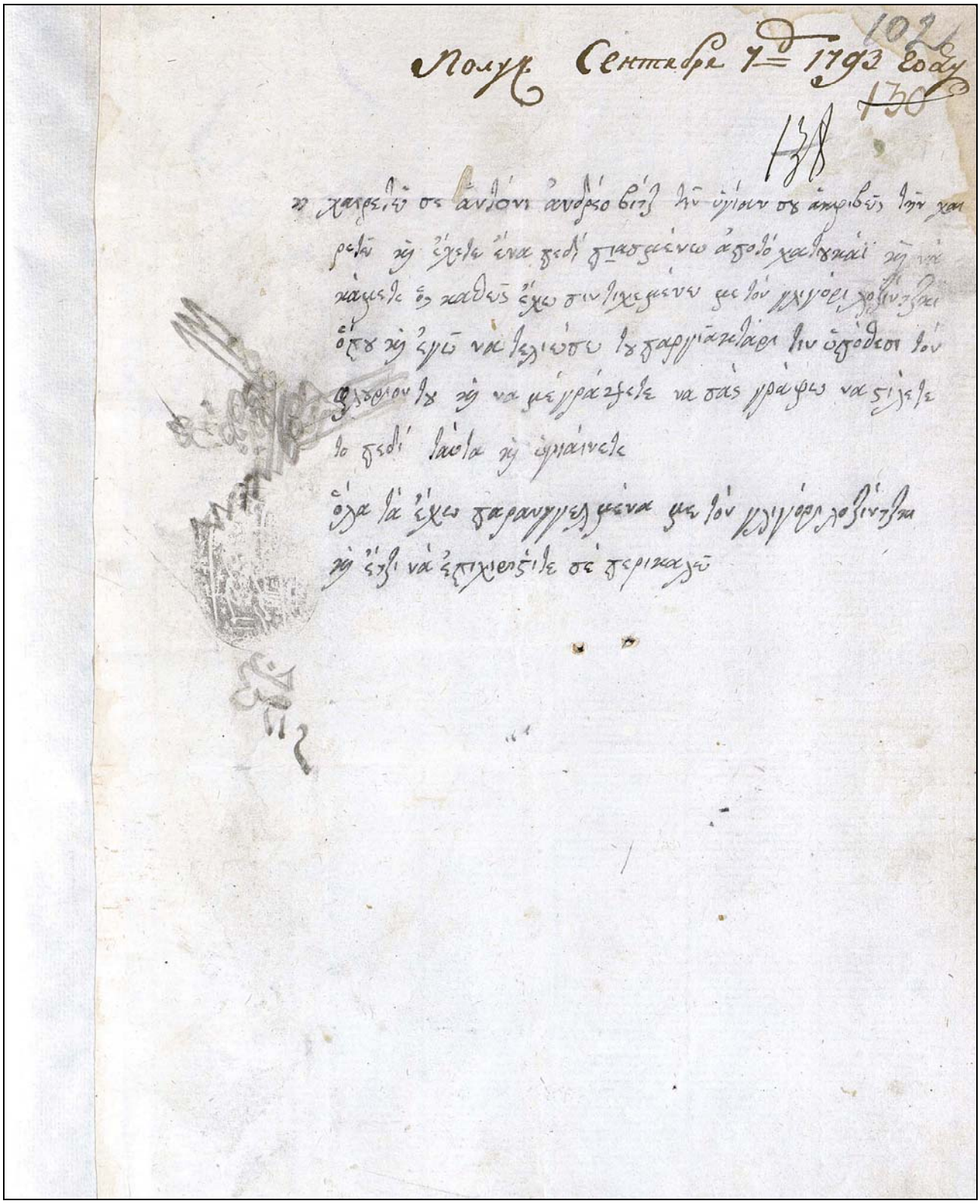

Рис. 1. Письмо анапского Мустафы-паши войсковому судье А.А. Головатому. 11 сафара 1208 г.х./6 сентября 1793 г. Оригинал. Новогреческий язык (по ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 102).

Fig. 1. The Letter from Anapian Mustafa Pasha to the Black sea Cossack Host Judge A.A. Golovatyi. 11 safar 1208 Hegira / September, 6. 1793. Original. Writing Modern Greek (after GAKK. F. 249. Op. 1. D. 258. L. 102).

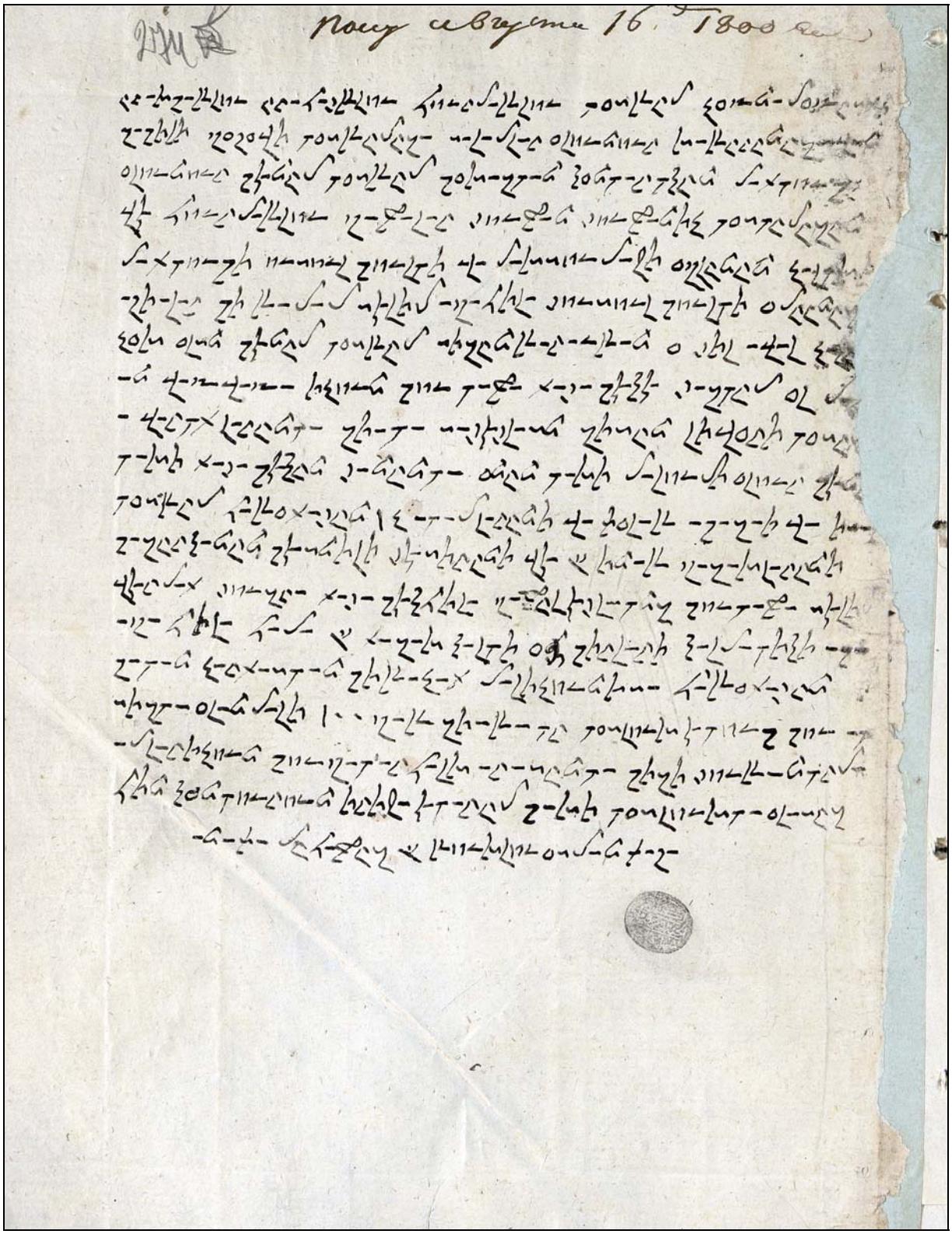

Рис. 2. Письмо анапского Османа-паши атаману Черноморского казачьего войска Ф.Я. Бурсаку. Получено 16 августа 1800 г. Оригинал. Османо-турецкий язык армянской графикой (по ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2. Л. 274).

Fig. 2. The Letter from Anapian Osman Pasha to the Black sea Cossack Host Chieftain F.Ya. Bursak. Received on August 16, 1800. Original. Writing Ottoman Turkish in Armenian characters (after GAKK. F. 249. Op. 1. D. 419. T. 2. L. 274).

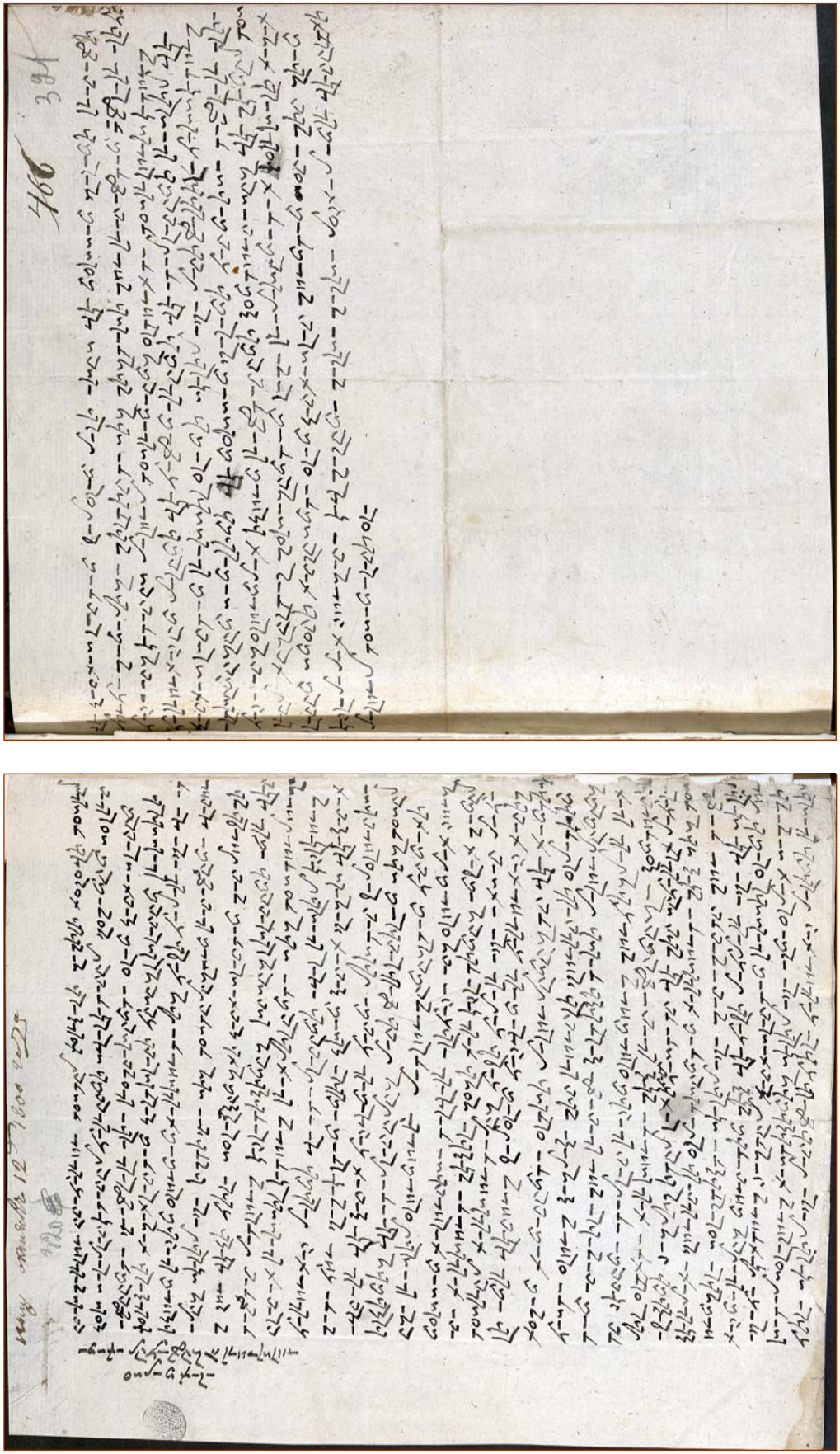

Рис. 3. Письмо анапского Османа-паши атаману Черноморского казачьего войска Ф.Я. Бурсаку. Получено 12 октября 1800 г. Оригинал. Османо-турецкий язык армянской графикой (по ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2. Л. 320, 321).

Fig. 3. The Letter from Anapian Osman Pasha to the Black sea Cossack Host Chieftain F.Ya. Bursak. Received on October 12, 1800. Original. Writing Ottoman Turkish in Armenian characters (after GAKK. F. 249. Op. 1. D. 419. T. 2. L. 320, 321).

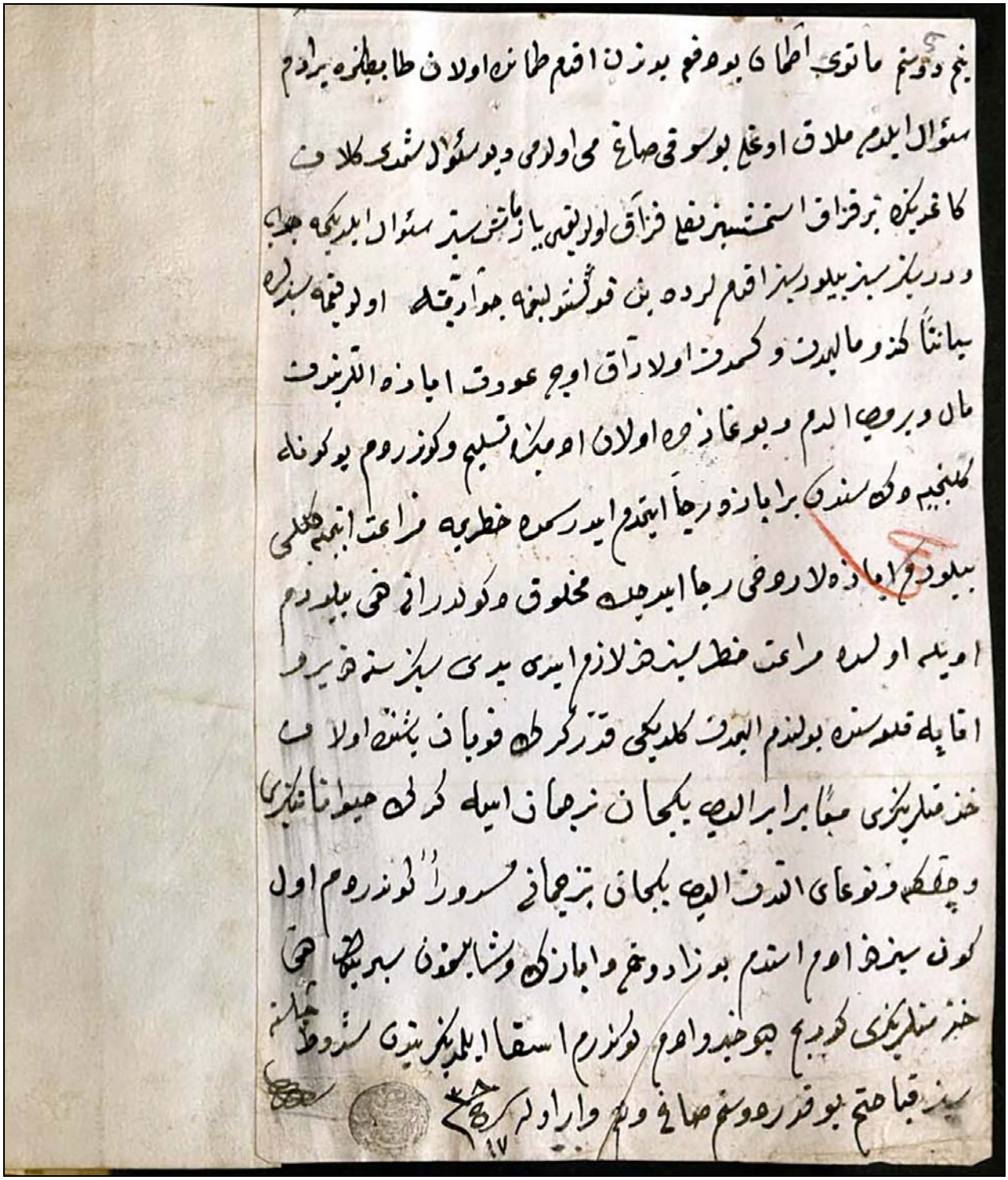

Рис. 4. Письмо анапского Сеида-Ахмета-паши атаману Черноморского казачьего войска Г.К. Матвееву. Получено 17 февраля 1823 г. Бугазской карантинной заставой. Оригинал. Османо-турецкий язык арабской графикой (по ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 859 а. Л. 5).

Fig. 4. The Letter from Anapian Sayyid Ahmet Pasha to the Black sea Cossack Host Chieftain G.K. Matveev. Received by Bugaz Quarantine Outpost on February, 17, 1823. Original. Writing Ottoman Turkish in Arabian characters (after GAKK. F. 249. Op. 1. D. 859 a. L. 5).

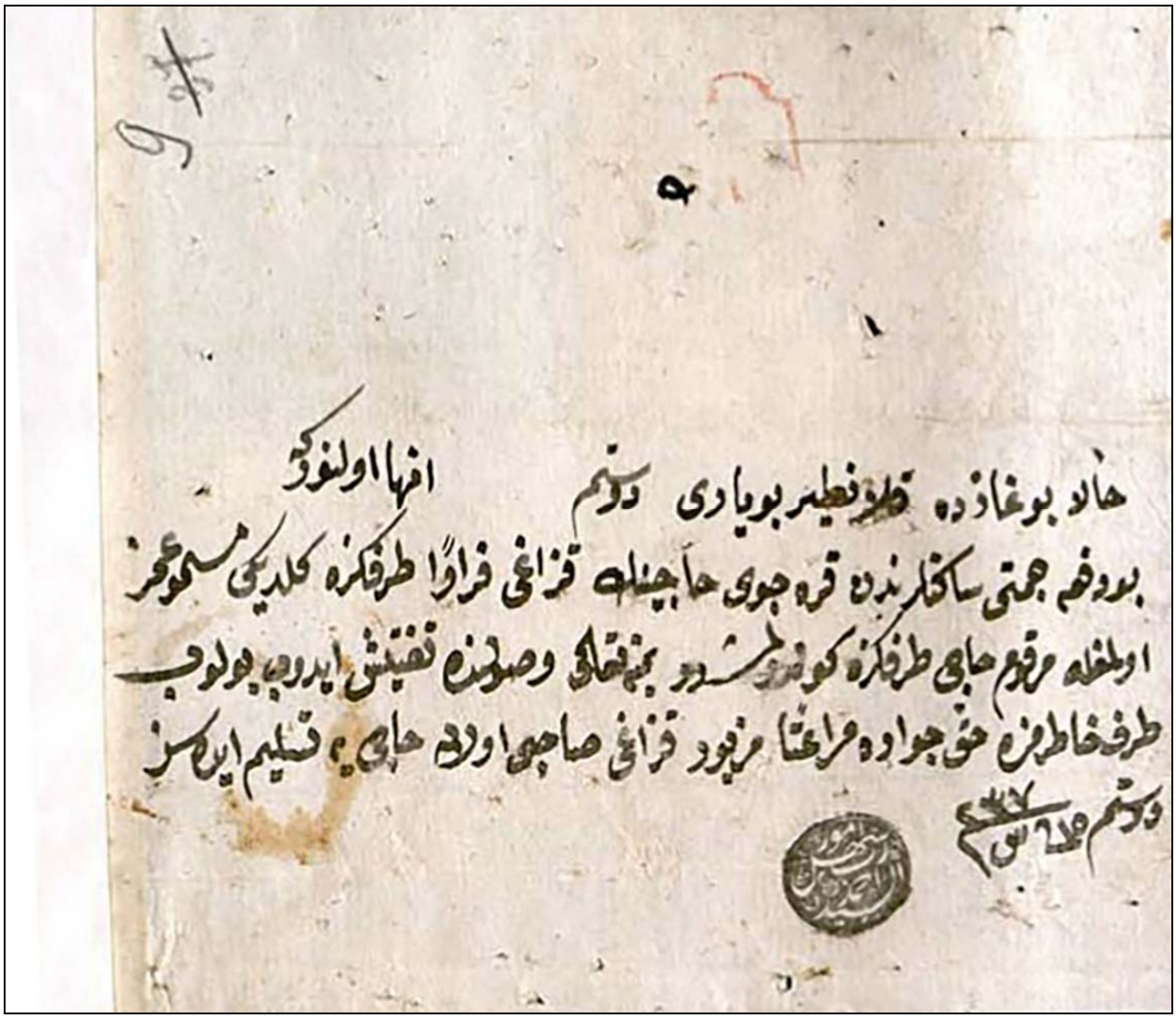

Рис. 5. Письмо анапского Сеида-Ахмета-паши атаману Черноморского казачьего войска Г.К. Матвееву. Получено 26 апреля 1823 г. Бугазской карантинной заставой. Оригинал. Османо-турецкий язык арабской графикой (по ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 859 а. Л. 9).

Fog. 5. The Letter from Anapian Sayyid Ahmet Pasha to the Black sea Cossack Host Chieftain G.K. Matveev. Received by Bugaz Quarantine Outpost on April, 26, 1823. Original. Writing Ottoman Turkish in Arabian characters (after GAKK. F. 249. Op. 1. D. 859 a. L. 9).